

КРИСТОФЕР ДРЕССЕР

Т Р А Д И Ц И О Н Н О Е
ИСКУССТВО
Я П О Н И И

Э П О Х И

МЭЙДЗИ

ОРИГИНАЛЬНОЕ
ПОДРОБНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

КОЛЛЕКЦИЯ
УНИКАЛЬНЫХ
ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Кристофер Дрессер

**Традиционное искусство
Японии эпохи Мэйдзи.
Оригинальное подробное
исследование и коллекция
уникальных иллюстраций**

«Центрполиграф»

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

Дрессер К.

Традиционное искусство Японии эпохи Мэйдзи. Оригинальное
подробное исследование и коллекция уникальных иллюстраций /
К. Дрессер — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5330-2

Известный британский архитектор, исследователь и горячий поклонник Востока Кристофер Дрессер (1834–1904) отправился в Японию с целью изучить и описать шедевры культурного наследия этой прекрасной загадочной страны. И с блеском выполнил задуманное. В ходе путешествия Дрессер посетил около ста самых прекрасных сооружений Японии, не считая многочисленных храмов, расположенных на горе Коя-Сан. Восхищаясь красотой и необыкновенным изяществом зданий, автор проанализировал и представил их полное описание, особое внимание уделив шедеврам декоративно-прикладного искусства. Дрессер подробно рассказал о культурных традициях, религии, обычаях и особенностях жизни японцев. Об их гостеприимстве и деликатности, о том, как они одеваются, какую предпочитают еду и как ее обставляют, как моются, отмечают праздники и посещают театр, о внутреннем убранстве храмов, театров и жилых домов.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

ISBN 978-5-9524-5330-2

© Дрессер К.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кристофер Дрессер
Традиционное искусство Японии
эпохи Мэйдзи. Оригинальное
подробное исследование и
коллекция уникальных иллюстраций

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Предисловие

Я отправился в Японию в качестве архитектора и декоратора, обладающего знаниями в сфере разнообразных художественных ремесел, чтобы своими глазами увидеть то, что ускользает из поля зрения рядового иностранного туриста. Предлагаю свой труд широкой публике исключительно как специалист в хорошо известной мне области человеческой деятельности. Во время пребывания в Японии я привлек к работе лучшего местного фотографа, какого только удалось отыскать, чтобы он сделал для меня снимки нужных мне видов; тем самым мне удалось добыть не только изображения архитектурных сооружений в целом, но и их самых интересных деталей. Я к тому же подобрал самого опытного декоратора Киото, сделавшего для меня зарисовки художественного храмового оформления.

Многих весьма удивит мое утверждение о том, что до сих пор западная общественность очень мало знает о японской архитектуре, и даже специалисты знакомы с ней весьма поверхностно. Без цветных иллюстраций сложно передать всю красоту буддийского изобразительного искусства. Тем не менее я надеюсь пролить свет на особенности японского зодчества, а также попытаюсь раскрыть величие архитектурной истории Японии, даже не располагая цветными иллюстрациями. Любой орнамент возникает из архитектуры. В связи с этим я предпринял попытку последовательно описать его происхождение и развитие. И впервые, насколько мне известно, мой любезный читатель получает возможность ознакомления с эволюцией японского коренного традиционного орнамента.

Мы не видим ничего нового в изображениях всевозможных цветов, птиц, рыб и насекомых. Но далеко не всем известно, что наравне с греками, маврами и прочими народами, прославившимися архитектурой определенного традиционного стиля, японцы тоже владеют национальным стилем канонического орнамента. Вот изучением их стиля мы как раз и займемся. Я об этом стиле практически не имел понятия до тех самых пор, пока не посетил эту загадочную страну, даже притом, что старательно изучал изобразительное искусство Востока на протяжении без малого тридцати лет. В настоящей моей книге я попытаюсь объяснить, каким образом корни местной архитектуры произрастали из климатических и религиозных особенностей Японского архипелага и как особенности орнаментов с изображением местных предметов, а также само искусство их доведения до совершенства восходят к местным религиозным учениям.

Как гостя из заморской страны меня не только допустили внутрь священных сооружений (в некоторые из них прежде никогда не ступала нога европейца), но к тому же предоставили возможность для изучения всех тонкостей художественного ремесла. Я навсегда остаюсь в неоплатном долгу перед чиновниками японского правительства за предоставленные мне привилегии.

Во время всего пребывания в Японии я вел дневник, в котором отмечал все сделанное и виденное мной в этой стране; и этот дневник снабжал соответствующими зарисовками. Во время путешествия я купил или отснял для себя без малого тысячу фотографий. У меня накопилось множество маленьких цветных рисунков храмового орнамента. Я посетил шестьдесят восемь гончарных мастерских и многочисленные предприятия самых разных кустарных промыслов. К тому же я собрал коллекцию образцов товаров практически со всех фабрик, на которых пришлось побывать.

Что же касается храмов и алтарей, то мне посчастливилось увидеть около сотни самых прекрасных сооружений в этой стране, не говоря уже о многочисленных храмах, расположившихся на вершине горы Коя-Сан, многие из которых мне удалось изучить во всех деталях. Для ознакомления со всеми объектами мне пришлось проехать около 3,5 тысячи километров;

и это притом, что время моего посещения Страны восходящего солнца было весьма непродолжительным и ограничивалось четырьмя месяцами.

Упоминание данных фактов должно помочь любезному читателю составить свое впечатление о моих возможностях с точки изучения предмета, и теперь мне остается только представить свой труд его вниманию.

Часть первая

Глава 1

Иокогама. – Гранд-отель. – Достопримечательности улиц. – Рикши. – Японское гостеприимство. – Саке. – Эдо, или Токио. – Японское письмо. – Храм. – Зима в Японии. – Храм Сиба. – Склепы сёгунов

В самый первый раз я увидел Японию в половине седьмого утра на 26-й день декабря. В такую рань эта загадочная страна выглядела окутанной легким туманом, над которым едва поднималось солнце. Но по мере того как этот туман рассеивался, перед нами открывалась покрываемая радующими глаз холмами и щедро поросшая лесами земля. Где-то в долинах, разломах и ущельях приютились небольшие живописные деревни. Кое-где нашли себе место рощицы пальм, своими перистыми вершинами вознесшиеся над зданиями, прячущимися в их тени. А тем временем джонки, притягивающие внимание путешественника причудливыми обводами, бороздили прибрежное мелководье.

Со стороны японских пассажиров (их у нас на борту несколько человек) раздается восклицание восхищения, ведь слева по курсу они наконец-то должны увидеть свою священную гору Фудзияму! Я направляю свой взор в том направлении, в котором они пристально вглядываются в горизонт, но никакой горы разглядеть не могу. Холмистая суша перед нами прекрасно просматривается на фоне серо-белых туч, высоко вздымающихся над нею; однако загадочную гору разглядеть не могу. Тогда на помощь мне приходят японские друзья, предлагающие поднять взгляд над облаками. И там, в вышине, мне наконец-то открывается бесподобный вид сияющего безупречного конуса вершины символа Японии. Мне довелось видеть практически все альпийские вершины в стране легендарного Вильгельма Телля; я любовался пиком Монте-Роза с территории курортов Церматт (Швейцария), Аоста и Комо (оба города находятся в Италии); восхищался дикой красотой горы Юнгфрау и отвесных склонов Маттерхорна. Но никогда прежде не видел гору, отличающуюся такими безупречными контурами, таким поражающим воображение великолепием, такой приковывающей взор красотой, как та, что открылась в тот миг моему взору. Стало совершенно ясно, почему японцы отдаются восхищению Фудзиямой с такой невероятной силой; почему этот грандиозный конус, на склонах которого любят отдыхать облака, считается обителью дракона – демона бури, ведь эту гору с полным на то основанием можно назвать одним из величайших творений природы!

Обогнув мыс, наш лайнер в скором времени входит в залив порта Иокогама, производит ритуальный выстрел из двух орудий и бросает якорь.

Через считанные минуты у нас на борту появляются положенные в таком случае чиновники, а само судно окружают многочисленные лодки с местными жителями. В одних из них прибыли представители гостиниц, кто-то предлагает доставить пассажиров или товары на берег, на лодках прибыли служащие компании, которой принадлежит наше судно. При этом цели многих остальных визитеров в лодках не получается даже описать. Сцена жизни и суеты разворачивается вокруг нас в каком-то совсем новом, а также одновременно забавном и удивительном ключе. Тут к борту нашего величественного судна швартуется кажущийся совсем мелким паровой катерок, и главнокомандующий японской армией генерал Сайго, находящийся среди пассажиров на нашем судне, приглашает меня спуститься на катер и составить ему компанию до самого берега: этот катер принадлежит правительству, и его прислали, чтобы доставить нашего генерала на сушу. Приняв любезное приглашение, я скоро оказываюсь на катере, где нас ждет сын генерала – энергичный улыбчивый пострел возрастом пару лет от роду. Отец едва увидел своего маленького озорника, как тут же принялся ласкать его с теплой привязан-

ностью, которую японцы обычно проявляют к своим детям. Причем никаких поцелуев не полагается, так как поцелуи на Востоке не приняты совсем, это дело здесь невиданное. Поэтому пока генерал демонстрировал любовь к своему дитяти, меня не оставляло ощущение того, что маленький шалун все-таки недополучает положенной ему нежности. И мне нестерпимо хотелось расцеловать его самому.

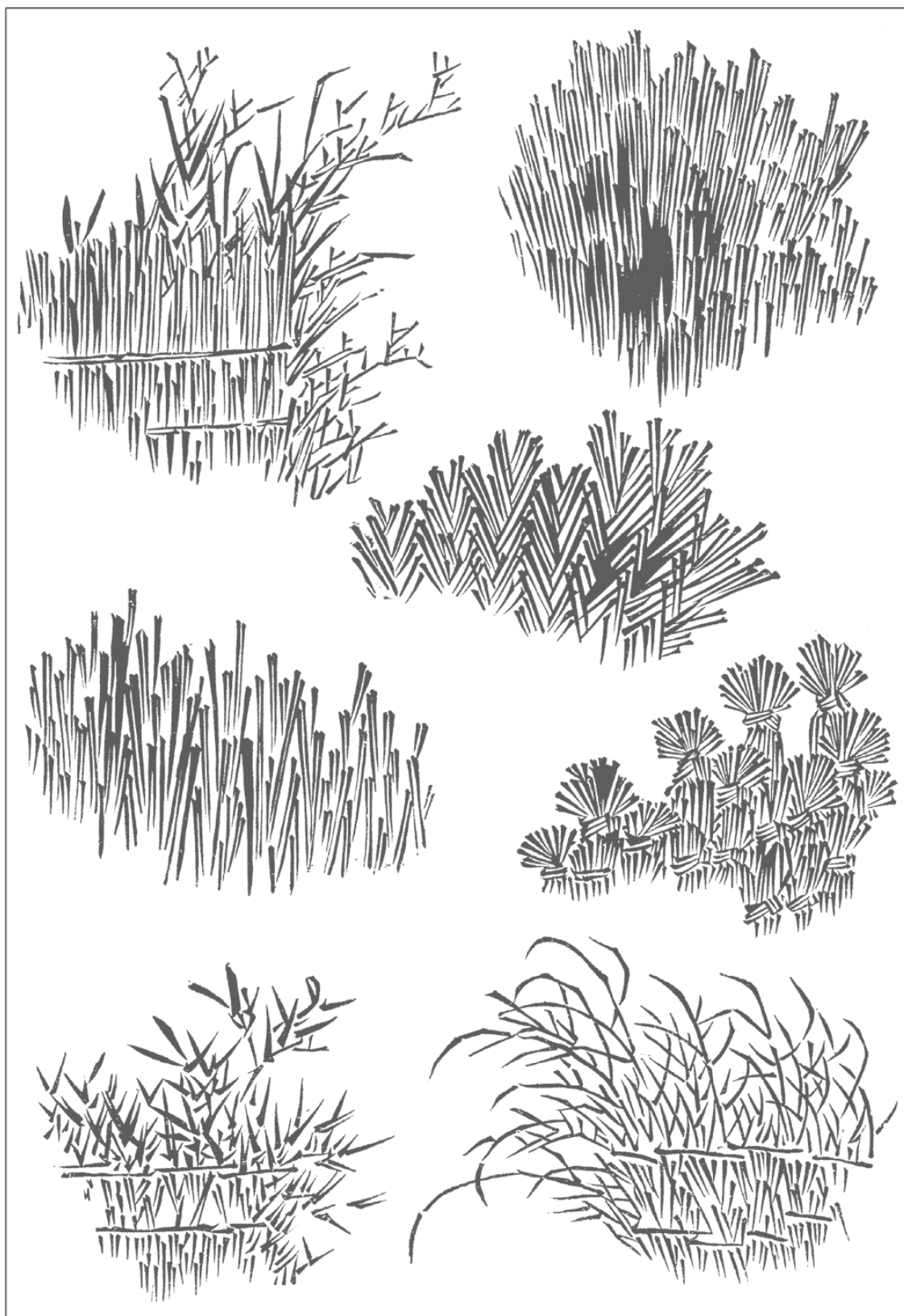
Винт нашего небольшого суденышка наконец-то пришел в движение. И через считанные минуты я уже ступил на землю, которую как специалист в сфере декоративного искусства страстно мечтал увидеть на протяжении многих лет, произведениями труда народа которой уже научился восхищаться. Вот я и оказался среди народа, приученного к традициям художественного совершенства, достигнутого представителями его старинной цивилизации. Для того чтобы добраться до своей гостиницы, я устраиваюсь в тележке рикши, представляющей собой транспортное средство наподобие европейского такси, только снабженного складным верхом, убирающимся назад. Конструкция тележки рикши выглядит хлипкой, оснащена она двумя колесами весьма крупного диаметра и двумя тонковатыми на вид оглоблями, соединенными на конце. Тележку тянет мужчина, встающий между оглоблями наподобие пони. Иногда в нее впрягается два или даже три человека. По двое или по трое рикши впрягаются цугом, и так называемый коренник пристегивается к транспортному средству тонкими веревками. Как только я угнездился на сиденье тележки, едва вместившем мое весьма громоздкое тело, нанятая мною пара кули (поскольку я выбрал пару) тронулась в путь со скоростью, показавшейся мне однозначно опасной, даже пугающей. И очень скоро мы оказались у входа в Гранд-отель, представлявший собой здание европейского вида, где я забронировал для себя номер.

Завтрак этим утром как-то не лез в рот из-за волнения по поводу приближения земли, к которой мы шли три недели морем. Нам совсем не хотелось тратить время на полноценную трапезу, так как по мере продвижения судна в японских водах перед нашим взором постоянно открывались невиданные до сих пор прекрасные картины. Пронзительный, свежий, волнующий воздух, безоблачное небо, яркий и бодрящий солнечный свет, а также скачка против ветра на хлипкой повозке пробудили во мне желание пополнить силы для души и тела.

Присев в гостинице к столу, я торопливо справился с поданным угощением. В должной последовательности мне принесли рыбу, закуски и мясное блюдо, как будто я сидел в Гранд-отеле Парижа; при этом мясо было из банок фирмы «Кросс и Блеквелл», а мармелад и джем доставали из банок с этикеткой торговой марки «Кейллер» из датского города Данди. Следует признать, что все эти роскошные консервированные деликатесы мне подали в безупречно сохранившемся виде и во всех смыслах ни малейших претензий они не вызывали, однако мне все-таки было грустно поглощать прекрасно известные мне блюда вместо щупальцев осьминога, сочного побега бамбука, плавника акулы или прочих подобных экзотических местных деликатесов. А ведь именно на них я рассчитывал.

Когда я покончил с трапезой, ко мне присоединился джентльмен, обещавший послужить мне секретарем на всем протяжении моего пребывания в Японии. К тому же компанию нам составили принц Лихтенштейна Анри, а также принц Монте-Нуово Альфред (с этими двумя отпрысками августейшего австрийского рода мы плыли из Сан-Франциско). Все вместе мы вышли на прогулку, во время которой упомянутый выше секретарь указывал нам путь. Мы минуем европейское поселение Иокогамы, где красивые виллы в стиле наполовину английском, наполовину японском уютно устроились среди чудесных садов, и входим в квартал коренного населения города. Здесь все настолько ново для меня и загадочно, что не поддается пока описанию словами. У торговых лавок отсутствует привычный для европейца фасад, полы у них приподняты над землей на одну высокую ступеньку; эти полы устланы циновками, и товары выставлены на горках, внешне напоминающих пресловутые оранжерейные стеллажи. Повсюду взгляд натывается на невиданные до сих пор съедобные дары природы, внешне отличных от нас людей, непонятные предметы. Мы то и дело останавливаемся, что-то рассматри-

ваем, а также не устаем восхищаться и удивляться. При этом нас тоже рассматривают местные жители как некие диковинные создания: улыбки удивления по поводу того интереса, который мы проявляем к обычным для них вещам, встречают нас на каждом шагу. Мы наблюдаем за забавами детворы: маленькая девочка ударяет мяч о землю и делает поворот, пока он находится в полете, чтобы повторить это упражнение снова. По дороге нам попадается канал, выходящий из тоннеля, прорытого внутри холма, а по нему плывут невиданной конструкции лодки; мы вступаем на территорию буддистского храма, но, прежде чем переступить порог, нам следует разуться и оставить обувь снаружи. На обратном пути мы преодолеваем «утесы», с которых нам открывается великолепный вид на город и залив, и продолжаем путь по дороге, огражденной забавного вида заборами (рис. 1–15) и вьющейся среди питомников с многочисленными экзотическими для нас деревьями. Следует отметить, что это путешествие произвело на нас настолько благоприятное впечатление, что выразить его словами просто не получается. На самом деле практически невозможно описать наше впечатление от всего того нового, что мы увидели. Однако передать любезному читателю впечатление от нашей первой прогулки можно с помощью замечания, произнесенного во время нее одним из австрийских принцев. «Умри мы, – сказал он, – а потом воскресни, для окружающих японцев все это выглядело бы гораздо банальнее».

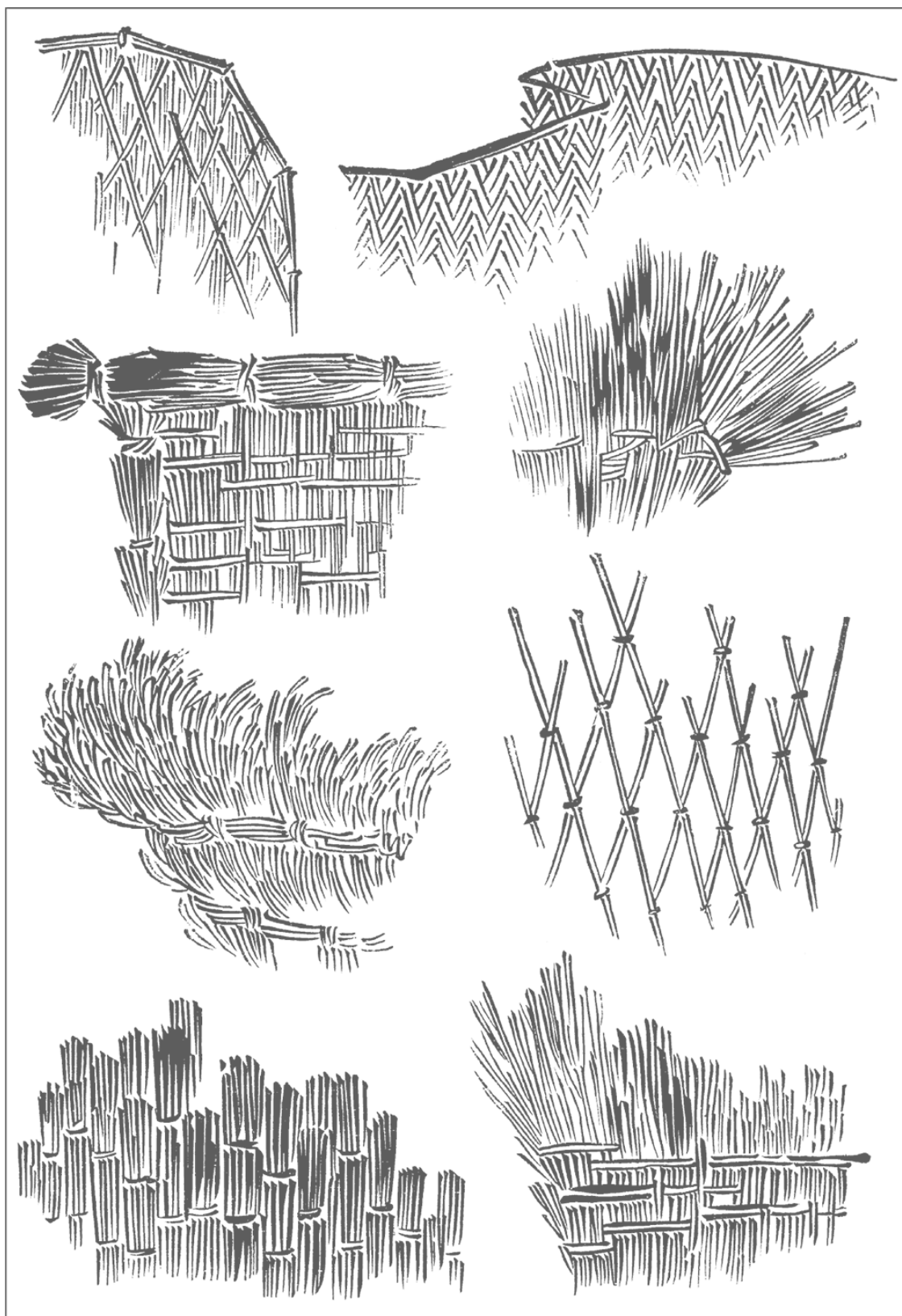

Рис. 1–15. Подлинные рисунки оград садов Июкогамы

Мы с принцами поужинали и в половине девятого вечера снова отправились на прогулку в город; на этот раз решено было воспользоваться услугами рикш, впряженных по одному человеку на повозку, которые взяли с собой по фонарю. Итак, мы тронулись в путь со скоростью практически скаковой лошади. Мы от души повеселились под крики рикш, звон фонарей,

тряску наших транспортных средств и восторг стремительной езды. Примерно через четверть часа мы прибыли к большому дому, в одну из комнат которого вошли. Здесь сопровождающий нас японец заказал для нас угощение в местном стиле, причем к трапезе предполагается сопровождение в виде музыки и танца. Мы находимся в зале правильной квадратной формы, но в окна вставлено европейское стекло, а двери снабжены европейскими запорами. Пол в ней застелен циновками, а на этих циновках стоят два бронзовых горшка-жаровни (по-японски они называются хибати), наполненные тлеющими кусочками древесного угля; и эти примитивные и маломощные печки – единственные доступные средства отопления комнат в японских домах. Нам оказали любезность тем, что предоставили китайские стулья и два маленьких столика, тогда как обслуживающий персонал из коренного населения, появившийся в скором времени с блюдами нашей трапезы, а также чтобы развлечь нас музыкой и танцем, становился перед нами на полу на колени. Приготовления еще не успели закончить, а уже внесли большой лакированный поднос, который поставили в центр группы коленопреклоненных женщин, прибывших нас обслуживать. Этот поднос заставлен блюдами с нарезанной сырой пресной рыбой, с всевозможными приправами. Все это напоминает французское угощение *«tete de vu vinegret»*, если его со вкусом украсить листьями пряностей. Нам как гостям принесли европейские тарелки, но вместо ножей с вилками пришлось обходиться палочками для еды. Нам удалось попробовать блюда на вкус после, мягко говоря, неоднократных неудачных попыток донести еду до рта с помощью японских палочек, но, как это ни странно, само кушанье нам показалось очень вкусным, а приправы произвели впечатление каких-то пресных добавок. После сырой рыбы наступила очередь рыбы жареной, поданной с горячим саке.

Притом что саке в Англии всеми считается крепким спиртным напитком, на самом деле представляет собой белое пиво, полученное в результате сбраживания рисового солода. Как и все остальные спиртные напитки, саке во многом различается по его качеству; и японцы оценивают его совершенство по вкусу, запаху и прочим показателям точно так же, как мы оцениваем наш портвейн и остальные вина. Саке пьют охлажденным и подогретым, но подогревают его не добавлением горячей воды, а нагреванием непосредственно самого веселящего напитка. Как раз в таком нагретом состоянии нам и предложили саке.

Чашечки для саке обычно представляют собой маленькие глиняные сосуды диаметром приблизительно пять сантиметров, во многом напоминающие по форме мелкие чайные пиалы или глубокие блюдца. Ручка у них отсутствует, и подают такую чашечку гостю пустой после помещения ее на короткое время в горячую воду, если саке предполагается пить теплым. В эти пустые чашки вторая официантка из фарфорового графинчика изящной формы наливает теплое саке.

Вслед за рыбой с вином подали блюдо с морскими огурцами под пряностями и морскими водорослями, но они оказались жесткими, как сапожная шкура, и разжевать их мне не хватило сил. После трапезы началось музыкальное представление с участием мастеров игры на самасине (своего рода банджо) и кото (длинной цитре с подвижными кобылками), а также ряде ударных инструментов (цудзumi и тайко). Под странные звуки этих инструментов девушки исполняют свой танец, состоящий из грациозных и не менее странных движений. Танец закончился, и началось исполнение местных песен, после которых все мы покинули трапезную, расселись по рикшам, которые помчали нас домой со скоростью, как нам показалось, молнии.

Со следующего утра я начал вести наблюдения с гораздо большим усердием. Вчера мне все казалось настолько новым, что в памяти откладывались в основном общие впечатления или забавные происшествия, тогда как подробности дня прошли почти незамеченными. Однако теперь у меня, как кажется, появилась способность к более добросовестному восприятию всего происходящего вокруг нас. Выйдя на ступени нашей гостиницы, я взглянул вверх, чтобы запечатлеть природу здания, в котором в настоящий момент обрел временный приют. К своему

удивлению, то, что я вчера посчитал прочным каменным зданием, оказалось всего лишь деревянным каркасом, облицованным тонкими каменными плитками, подвешенными на простых гвоздях, продетых в специально высверленных углублениях.

Гостиница расположена в очень красивом месте, фасадом выходит на море, от которого ее отделяет широкая и мастерски обустроенная дорога. Справа от гостиницы пролегает канал, несущий воды прямо в океан. Надо мною, стоящим на ступенях гостиницы, простирается темно-синее безоблачное небо, а перед собой я вижу океан в мельчайшей ряби волн с отражением лазури небес. От белых парусов колоритных лодок отражаются лучи солнца, скрытого от моего взора соседним домом. Тем временем в воздухе ощущается свежесть легкого морозца японской ночи, вселяющего в мое тело неожиданную бодрость. На завтрак мне подали рыбу, ветчину, яйца и чай. Наслаждаясь такой трапезой, я почувствовал, как будто сижу за своим собственным обеденным столом в Лондоне, а не за 19 тысяч километров от дома. Покончив с завтраком, я отправился посмотреть местные торговые лавки и их товары. Во время прогулки мне попадает множество забавных вещичек, которые, не устояв против соблазна, покупаю, хотя и осознаю, что на самом деле поступаю опрометчиво. В четверть шестого вечера возвращаюсь в свой гостиничный номер немного усталым, ведь этот прекрасный «урожайный день» мне пришлось провести в походе по магазинам.

Пока я одевался, в мою комнату вошел принц Анри. Он попросил меня составить ему компанию на ужине с принцем Монте-Нуово. Так закончился мой второй день в Японии.

В своем дневнике я нашел следующие пометки, датированные 27 декабря. Здесь обычным делом считается пойти в магазин, чтобы выбрать несколько товаров, а затем попросить их владельца прислать все отобранные предметы к вам на дом или в гостиницу, где вы на досуге еще раз все их рассмотрите и примете окончательное решение.

Народ здесь отличается предельной вежливостью и обходительностью; в одном месте, пока мы делали покупки, нам предложили выпить чаю. Чай в Японии пьют совсем жидкий, бледно-желтого (почти янтарного) цвета, причем совсем без молока или сахара. Его подают в маленьких чашках без ручек, причем без блюдец.

Городские районы Иокогамы, где проживает коренное население, в темное время суток освещаются газовыми фонарями, тогда как улицы квартала европейцев остаются совсем темными. Иностранцы отказываются платить за газовое освещение.

Следующим утром, как и договорились заранее, я выехал в Эдо (Токио, или северную столицу) поездом, отправившимся по расписанию в 9 часов 34 минуты. Железнодорожную ветку, соединяющую Иокогаму (порт Токио) с городом Токио, протяженностью без малого 30 км, построили со всем старанием, и она числится одной из двух железных дорог, существующих в Японии в настоящее время. Вторая железная дорога соединяет Хёго (Кобе) с Киото (южной столицей этой страны). Железная дорога Иокогамы имеет особенно узкую колею, и вагоны на ней больше напоминают омнибусы, чем вагоны на наших железнодорожных направлениях. Посадка в такие вагончики производится с торца. Поезд отправляется из Иокогамы в Токио и из Токио в Иокогаму круглый год ежедневно каждый час, и в каждом составе везут почту; таким образом, притом что Эдо и Иокогаму разделяет 30 км, почту в оба города на протяжении дня доставляют каждый час.

Эти населенные пункты, как, разумеется, и все города Японии, соединены телеграфными проводами, посредством которых сообщения можно переправить в виде японских иероглифов или шрифтом практически всех европейских языков; но передача сообщений на иностранных языках вполне справедливо производится за дополнительную плату.

Железная дорога из Иокогамы до Эдо огибает большую часть дуги портовой бухты. При чем виды, открывающиеся на протяжении пути, выглядят забавно, но содержат совсем немного местных достопримечательностей, способных вызвать к себе живой интерес. Однако платья селянок, нарядившихся по-праздничному, выглядят для меня причудливыми и привлекатель-

ными, а просторные струящиеся одежды мужчин очень выгодно отличаются от наших костюмов и лишенных художественного вкуса платьев.

В Токио меня встречали генерал Сайго с мистером Сэкисава, с которым мы тоже плыли вместе из Сан-Франциско до Японских островов. Генерал Сайго приехал в своем экипаже европейского изготовления на конной тяге в одну лошадиную силу; но перед нашим экипажем поспешал специальный слуга, как это было принято в старинной Англии. Такой порядок, при котором впереди экипажа высылали быстроногого конюха, внедрили в силу того, что кареты в Японии вошли в моду совсем недавно. На протяжении многих веков обитатели японских городов приобрели привычку шагать посередине улиц. Поэтому ни в одном японском городе, запомнившемся мне, никто не позаботился о сооружении настоящих пешеходных дорожек по обеим сторонам дорог; зато очень часто напротив торговых лавок можно встретить колодцы, кое-как обозначенные.

Генерал Сайго располагал солидной внешностью и величественной манерой поведения мужчины тридцати семи лет отроду. Как многие японские южане (генерал родился в провинции Сацума), он был человеком весьма высокого роста. Свой деревянный дом, до которого мы в скором времени доехали, хозяин построил в английском стиле. Полы комнаты, в которой меня принимали, покрывал ковер с коротким разрезным ворсом, а на нем стояла американская печь, назвать красивой которую язык все-таки не поворачивался, хотя пользу она вполне могла приносить. Меблировка этой комнаты выполнена была в европейской манере, и завезли ее предметы явно из Америки. Изготовили их там по образцам английской мебели по моде, существовавшей еще до 1862 года.

Когда мы сели на европейские стулья, нам подали чай в соответствии с местным обычаем. Мы договорились о моем визите к одному из министров японского правительства по имени Сано; но правилами японского этикета предписывалось непосредственно перед посещением чиновника послать уведомление, чтобы все было готово к приему; поэтому генерал Сайго пишет первое увиденное мною письмо на японском языке.

Он пользовался шкатулкой для письменных принадлежностей шириной около 28, длиной 30 и глубиной 5 см, в которой находился рулон волокнистой, легко впитывающей влагу бумаги, палочка туши, плитка для смешивания чернил, сосудик для воды и несколько кисточек из растительных волокон. Из этой шкатулки он достает рулон, отматывает от него 5–10 см бумаги и разглаживает ее для удобства письма. Затем он намешивает небольшое количество чернил, берет рулон бумаги в левую руку и приступает к письму на расправленной части бумаги кисточкой, предварительно смоченной тушью. Первый иероглиф появляется в верхнем правом углу, затем строго под ним генерал изображает второй иероглиф. И так далее, пока не заканчивается вертикальная колонка, за которой слева составляется вторая колонка, третья... В каждом случае новая колонка японских значков начинается наверху и заканчивается у основания листа бумаги, а колонки выстраиваются справа налево. Когда составление письма завершается, часть рулона бумаги, заполненную иероглифами, отрывают от рулона и сворачивают. Само письмо помещают в лакированную шкатулку, вокруг которой автор послания повязывает шелковый шнурок. Слуга несет эту шкатулку домой к адресату, который лично вынимает письмо из шкатулки. Посыльный к письму даже не прикасается. Ответ поступает в точно таком же виде с сообщением, что к встрече все готово. Итак, мы отправляемся к дому мистера Сано и видим перед собой восхитительное здание старинной японской архитектуры, построенное ближе к городским предместьям. Как минимум две комнаты этого полностью японского жилища обставлены были по европейской моде, и среди резиденций, принадлежащих японским министрам или высокопоставленным лицам, которые мне пришлось посетить, дом мистера Сано являл собой самый удачный образец европейской меблировки.

Мистер Сано служил специальным уполномоченным чиновником, представлявшим японское правительство на Венской международной промышленной ярмарке 1873 года. И во

время его пребывания в Европе в этот период времени он, как сразу было видно, подробно познакомился с художественными отраслями Запада и характером наших ремесел, так как соображения, которыми он поделился со своим собственным народом после возвращения на родину, однозначно представляли большую ценность для руководства предприятий Японии.

Во время пребывания мистера Сано в Вене министры японского правительства поручили ему приобрести все промышленные изделия, которые покажутся способными вызвать интерес среди японцев, чтобы в перспективе поместить их в музей, открывавшийся в Токио после того, как появились планы создания нашего Музея Виктории и Альберта в районе Южный Кенсингтон. К несчастью, приобретенные им товары пропали в заливе Эдо вместе с зафрахтованным для их перевозки в Японию судном, ушедшим там на дно. Несмотря на такую великую драму, прекрасный музей в Токио появился. И директором в нем назначили мистера Сано, хотя он теперь передал свои полномочия Матида-сан, побывавшему в Европе, а также сносно владеющему английской речью и письмом.

Мистер Сано считается человеком аристократического происхождения и высокого для японца положения в обществе. Особый интерес он проявляет к отрасли художественного производства своей страны, которую в значительной степени удалось спасти от тлетворного влияния европейской моды, навязанной японцам.

После того как я принял решение отправиться из Англии в Японию, мой старый приятель Филипп Канлифф Оуэн (теперь носящий титул сэра Филиппа) посоветовал мне постараться восполнить утрату, понесенную японцами из-за крушения судна с образцами изделий европейских ремесел. Поэтому я бросил клич своим занимающимся товарным производством друзьям. Они откликнулись, и в результате я повез с собой к Токио коллекцию экспонатов, достойных показа в Императорском токийском музее. Сэр Филипп Оуэн вручил мне рекомендации для его превосходительства мистера Сано, генерала Сайго и прочих японских министров, и именно ему я обязан многочисленными дорогами мне друзьями, приобретенными среди влиятельнейших сановников Японии.

Целью своего визита к мистеру Сано я видел представление привезенного мною дара наших товарных производителей чиновникам японского правительства.

Мистер Сано оказал мне самый радушный прием. На протяжении всей нашей беседы (которую мы вели через доброжелательного и добросовестного переводчика по имени Сэкисава) по местной традиции нас угощали чаем. После роскошного обеда, устроенного в европейском стиле, а также с европейскими винами, генерал Сайго пригласил меня в замок, где нас ожидали господа Сано и Асами (еще один представитель нашей американской компании, которого мистер Сано привлек в качестве переводчика на японский язык европейских трудов, имеющих отношение к производству товаров).

Этот замок, построенный в 1355 году, раньше представлял собой грандиозное сооружение с садами на его территории. Теперь он располагается в центре города Токио, основанного в 1600 году и целиком построенного вокруг этого замка. Притом что в ходе последующих гражданских войн большую часть древнего замка их участники разрушили, самые мощные башни и зубчатые стены, возведенные из каменных блоков необычно крупного размера, сохранились. Огороженная часть замка окружена широким рвом, на внутренней стороне которого высятся мощные стены крепости; и если судить по его внешнему виду, то своей неприступностью он превосходит все замки Европы. Наполненный водой ров выглядит весьма широким препятствием, а огибающая его с внешней стороны дорога проходит значительно выше его уровня. Внутри стен находится очаровательный сад, служащий местом отдыха и развлечений высокопоставленных лиц правительства в летние месяцы. В этом саду созданы искусственные озера и ручьи, над которыми нависают живописные мосты, а также густые кроны деревьев с затейливо закрученными садовниками стволами; и здесь же можно посетить парочку очаровательных небольших чайных павильонов. Хотя в текущее время года территория замка обычно закрыта,

генерал Сайго распорядился отпереть для нас не только ворота, но и чайные павильоны и приготовить чай, чтобы мы смогли восстановить там свои силы.

Все происходит в 28-й день декабря; однако во время нашей прогулки по территории прекрасного сада я люблюсь камелиями в бурном цветении, выглядящими такими свежими, как будто здесь как раз в разгаре лето. Генерал Сайго собирает букет из этих красивых цветов и вручает его мне, после чего мои спутники отправляются по домам, и я иду в британское посольство, где мистер Маунси (первый секретарь дипломатической миссии) представляет меня сэру Гарри Паркесу и настаивает на том, чтобы я остался поужинать с ним. Я возвращаюсь в Йокогаму десятичасовым поездом.

Наступило ясное, светлое и немного морозное утро, воздух казался особенно чистым и бодрящим. С принцами Лихтенштейна и Монте-Нуово я отправляюсь в Токио, где нам предстоит встреча с мистером и миссис Маунси, по приглашению которых мы сегодня собираемся посетить столицу Японии. В двух экипажах мы прибываем к величественному буддистскому храму в парке Сиба, расположенному в щедро поросшем лесом пригороде. Так как замок стоит в центре города и ров, окружающий его, частично граничит с внешней стороны с полями, деревьями и различными видами зарослей, притом что за пределами этого сельского района город простирается громадным кольцом, поездка с одного края Токио к противоположному представляет самый живой интерес, ведь после того, как мы покинули густонаселенный район, по мере приближения к центру города нам часто встречаются поля или сады.

Парк Сиба располагается в северо-восточном квартале Токио. К нему ведет короткая приятная дорога от железнодорожной станции. Впечатление, посещающее меня после первого созерцания величественных храмов и алтарей, возвышающихся передо мной, когда мы выходим из экипажа, можно выразить словами предельного восхищения. Сооружения поражают насыщенными красками, а также прекрасно исполненными деталями. Да что там! Я даже догадаться не мог об их существовании. Если привлечь для выполнения резьбы по дереву самого Гринлинга Гиббонса, а для подбора красок какого-нибудь колориста из городка Альгамбра, даже при всем своем старании эти великие мастера своего дела не смогли бы ничего добавить к очаровательным японским сооружениям. Ведь набор их деталей в целом подчинялся архитектурной логике, наблюдаемой нами на развалинах Парфенона. Так что моим глазам предстало само совершенство японского зодчества.

Храм в парке Сиба, как и подавляющее большинство больших храмов, посвященных отправлению буддистских обрядов, состоял из семи зданий, одно из которых заслуживало названия храма как такового. Второе здание представляется пагодой. Причем пагода имеет практически такое же отношение к буддистской системе религиозных воззрений, как шпиль у христианской церкви. К несчастью, главное здание из положенных семи впоследствии спалили, как считается, революционные поджигатели, и мне сообщают, что то здание считалось более красивым, чем дошедшие до наших дней сооружения. Увы, как какое-то здание могло быть красивее тех, что сохранились после пожара, вне моего понимания (на рис. 16 можно увидеть изображение резервуара для воды, находящегося во внутреннем дворе данного храма).

Рис. 16. Резервуар для воды в парке Сиба снабжен монолитными колоннами, украшения верхних частей имитируют фестончатые драпировки, декорированные цветной и золотой краской

Мы прогуливаемся по внутреннему двору, любуясь длинными рядами каменных фонарей и рассматривая экстерьеры различных строений, в орнаментах которых обнаруживаем изображения птиц, цветов, водоемов и облаков, вырезанных с большой тщательностью уверенной рукой, соперничать с владельцем которой мало кто рискнет. Все изображения исполнены невероятно красиво, с особой индивидуальностью, так что в целом создают впечатление практического совершенства. Художественное исполнение предметов выглядит необычным, резьба вызывает ощущение предельной чистоты работы, а сюжеты изображения подобраны с таким прицелом, чтобы они служили символами всевластия буддистского бога над всеми сотворенными им вещами.

Храм в парке Сиба служит не только буддистским алтарем, но и местом упокоения усопших сильных мира сего, как в Англии Вестминстерское аббатство. Здесь похоронены пять величайших сёгунов Японии (также названных тайкунами), и все сёгуны (считавшиеся практически временными правителями Японии) придерживались буддистской веры, в то время как микадо (кого мы назвали духовным правителем) принадлежал к сторонникам синтоистской религии. Сёгуны нашли место для вечного покоя своих бранных тел в склепах великой красоты, а вот над прахами микадо насыпаны простые земляные холмики.

Мы любуемся и умиляемся красоте картин природы, открывающихся перед нами, когда вперед выступает жрец с бритой головой, чтобы проводить нас в самое большое из сооружений, сохранившихся до сих пор. На входе нам приходится разуться. Так нам и следовало поступить, ведь балкон, на который ведут ступени перед нами, и полы самого храма покрыты полированным черным лаком.

В технике возведения стен японских храмов и жилых домов просматривается совсем мало сходства; но разговор о конструкции японских зданий еще предстоит, когда пойдет речь об их архитектуре. Тем не менее отметим, что перед нами находится большое, с массивной крышей, опирающейся на вертикальные колонны, между которыми встроены раздвижные створки (назовем их ставнями), – эти колонны и ставни формируют пределы здания. Пол храма приблизительно на 1,8 м выходит за пределы центральной закрытой части в виде балкона, и как раз этот балкон я только что назвал покрытым ярким черным лаком. Крыша храма нависает над балконом и защищает его от непогоды, тогда как стропила и балки конструкции, поддерживающие крышу, остаются полностью открытыми глазу. Внутри храма потолок закрывает все элементы конструкции, и рассмотреть их не представляется возможным. Потолок обшит панелями в виде небольших квадратов, и на него нанесены орнаменты; потолок расписан красной, синей, зеленой, белой и золотой краской самых ярких тонов.

Казалось бы, такой способ покраски должен выглядеть грубым и вульгарным; но такого не происходит, ведь нависающая крыша, которая подходит почти на 1,2 м к перилам балкона, ограничивает поступление солнечного света; таким образом внутрь храма в конечном счете попадает только отраженный свет. И отражается он от черного лакированного пола.

Теперь наш бритоголовый жрец ведет нас посмотреть на усыпальницы сёгунов. Перед каждым склепом находится квадратное сооружение или алтарь, один из которых по распоряжению жреца открывают с тыльной и лицевой стороны таким образом, чтобы мы могли взглянуть на расположенный за алтарем памятник.

Мне настолько понравился храм, в который мне разрешили войти, и у меня настолько разгорелся природный художественный запал, что появилось практически непреодолимое желание взглянуть внутрь всех этих священных алтарей. Но меня предупредили о том, что внутрь святилищ позволялось входить только великим сановникам, так как внутри этих сооружений содержится пластинка со священным именем теперь уже обожествленного сёгуна, чьи останки покоятся по ту сторону входа. Мне так показалось, что святой отец воспринял мое восторженное восхищение искусством этого сооружения в качестве религиозного порыва, так как он азартно восклицает: «Вы – великий сёгун!» – и разрешает мне войти внутрь склепа, куда на экскурсию попадали очень немногие европейцы, если только я не был первым из них.

По красоте эти алтари ничуть не уступают храмам покрупнее, которые мы уже видели, и тщательность проработки художественных деталей их убранства тоже выглядит безупречной. Но мне пока что не удастся постичь суть появления таких сооружений, ведь для меня остается непостижимым священное имя ни одного усопшего сёгуна. Из чистого любопытства мне следует отметить, что буквально по всей Японии я наблюдал замысловатое смешение атрибутов буддизма и синтоизма; заметим при этом, что у синтоистов принято поклонение своим героям. Ортодоксальные буддисты ничем подобным заниматься не должны. Как бы то ни было, но микадо, считающийся в синтоистской церкви воплощением самого Бога, в определенные дни на протяжении всего года проводит для своего народа службы у целого ряда буддистских алтарей. Поэтому не стоит удивляться откровенному и непоследовательному смешению обрядов в главных святилищах Японии.

На смерть высокопочитаемого японца, будь то даймё (барон), знаменитость, известный благодетель или сёгун, его возвеличивают до положения божества с присвоением имени, подбранного ему в божественном пантеоне. Такое имя, считающееся священным, запрещается произносить простым смертным. Его наносят на табличку около 90 см длиной и 1,8 м шириной, по краю украшенную роскошной гравировкой. Именно такое божественное имя на табличке помещается в алтарь, сооружаемый напротив склепа похороненного сёгуна, и хранится в нем. Такие таблички охраняются самым тщательным образом, так как у японцев существует такое поверье: самые страшные бедствия обрушатся на их страну, если кто-либо похитит или повредит такую святыню.

В тот незабываемый день, который я всегда буду считать в своей судьбе «красным днем календаря», мне открылись крайне интересные факты, удалось осознать священную архитектурную красоту японского кипариса криптомерии и прочих деревьев с конусообразной кроной, какой прежде я вообще не замечал. К тому же в качестве свидетельства свободы от предрассудков буддистов мне следует упомянуть такой случай: когда леди Паркес подала первосвященнику храма в парке Сиба прошение по поводу позволения провести службу по обряду англиканской церкви в одной из молелен, связанных с его великой святыней, разрешение она получила незамедлительно. Впоследствии в этом величайшем из буддистских храмов каждое воскресенье проходила служба по христианскому канону.

Глава 2

Иокогама. – Пожар в гостинице. – Японская трапеза. – Японские танцовщицы. – Музыка. – Угощение из живой рыбы. – Харакири. – Микадо. – Празднование Нового года. – Токийские пожарные. – Японские циновки. – Дворец Хамаготэн

Весь день 30 декабря я посвятил встречам с официальными посетителями, согласованию интервью с нынешним директором Токийского музея мистером Матидой, обращениям к видным деятелям в Токио и закончил его совместным обедом с нашим послом сэром Гарри Паркесом. Я возвратился в свою гостиницу в Иокогаме; но даже ночью мне не дано было спокойно отдохнуть. Сморивший меня сон мгновенно улетучился от крика «Пожар!». Выглянув из двери своего номера, я увидел управляющего гостиницей, в одной ночной рубашке мечущегося в поисках пожарного насоса. В крайней спешке я оделся и обнаружил, что наша гостиница объята пламенем и огонь полыхает этажом выше как раз над моей комнатой. Сквозь огромное отверстие в плинтусе и стене было видно, что внутри помещения за перегородкой (которую настоящей стеной назвать было нельзя, так как она представляла собой каркасную конструкцию из планок с гипсовым заполнением) все пылало. Осознав опасность нашего положения, я прокричал, чтобы принесли воды, и, прежде чем японские слуги успели принести ведро, помчался в ближайшую спальню за кочергой, напугав своим появлением даму, которая только поднялась с постели. Этой кочергой я проломил стену на доступной для меня высоте и обнаружил, что все стропила пожирает пламя. К этому моменту слуги обильно поливали водой горящие деревянные конструкции, и по лестнице я вскарабкался до потолка коридора, по которому стремительно распространялся огонь, но, приложив огромные усилия, мы все-таки смогли остановить его распространение. Меня поразили тот факт, что пожарный насос привезли, когда пламя уже погасило, причем ни один постоялец гостиницы, будь то кто-то из англичан, американцев, немцев или французов, не вызвался помочь в тушении пожара. Тем временем пораженный происходящим тучный увалень – как впоследствии выяснилось, владелец гостиницы – взирал на суету своих слуг с завидным спокойствием. На следующий день я выслушал слова благодарности нескольких постояльцев гостиницы за мой вклад в тушение ночного пожара. И даже та дама, которую я очень тогда напугал своим вторжением в ее спальню, похвалила меня за разумную инициативу. Тем не менее мне сообщили, что владелец нашей гостиницы посчитал, что мне не следовало тушить пожар в его заведении, так как он застраховал его на приличную сумму.

Пожар мы успешно потушили, и я отправился осмотреть местный рыбный рынок, так как уже было семь часов утра. Здесь я увидел сложенных грудями осьминогов; часть товара отличалась красноватым оттенком, другая – отливала свинцом, причем шевеление щупалец этих странных существ придавало грудам видимость движения и жизни, вызывавшей как минимум удивление. На этот рынок к тому же свезли двустворчатых моллюсков длиной 25 см (которые в моем представлении выглядели переросшими мидиями), крупных существ акульего вида и длиной приблизительно 3 м, а также целые ванны живой рыбы, включая королевскую таи; тем временем на столах и штабелях расположились самые странные чудища, которые я когда-либо и где-либо видел в качестве съедобных даров моря.

У ворот на территорию базара, через которые я возвращался, сидел меняла, у которого я приобрел несколько забавных монет, вышедших уже из употребления. Старинная чеканка навсегда ушла в прошлое, уступив место серебряным и бумажным деньгам, изготовленным в американском стиле.

В девять часов утра я отправился в Токио, куда меня пригласили на национальное японское угощение, которое вызвались организовать секретари иноземных представительств в честь приезда двух австрийских принцев. Организаторами мероприятия, насколько я это

понял, предлагалось пригласить по одному приятелю, а меня почетным гостем назначил достойный Джеймс Сомарес. Званный пир устраивали в самом изысканном чайном павильоне Японии, в котором министры устраивают официальные обеды. Причем учли все мелочи в строгом соответствии с самыми высокими требованиями японского вкуса и этикета.

На территории ясики (японской усадьбы) превосходных лингвистов братьев Зибольд, владевших японским языком не хуже любого знакомого им европейского языка, я встретил принца Лихтенштейнского Анри и принца Монте-Нуово барона Розена, барона Гольдшмидта и доктора Рорица. Последнему я очень многим обязан за доброе его отношение, проявленное им ко мне во время нахождения вдали от европейской цивилизации. Когда все гости собрались, мы с хозяевами нашего мероприятия направились к чайному павильону, где на входе разулись, поднялись по лестнице (так как у дома имелся второй этаж, что считается большой редкостью в Японии) и вошли в банкетный зал.

Поскольку это угощение отличалось японским национальным колоритом, мне следует попытаться описать его для нашего любезного читателя. Комната, или скорее сразу несколько комнат, в которых мы пировали, по большому счету напоминали комнаты передней и тыльной части лондонской виллы, так как их объединили специально для нас, раздвинув перегородки, представляющие собой некое подобие сдвоенных дверей небольших английских домов. Мы вошли в устроенный таким образом зал и увидели по правой стене приподнятый над полом помост, несколько возвышающийся над остальной площадью помещения, со своего рода встроенным алтарем, на котором стояли рисовые колоски, означающие подношение богам. Обустройство этого алтаря выполнено со всей тщательностью; в дальнем конце строго вертикально установлен ствол вишни прямо в коре, размеры всех полок, подпорок и прочих деталей определяют соответствующими правилами. Так выглядит «священная ниша» (или выгородка), которую занял бы микадо как воплощение божества синтоистской церкви, если ему придется когда-либо посетить эту гостиницу. А яства ему будут подавать через отверстие в конце отгороженной части помоста те, кому не положено видеть его лицо. Поэтому отверстие для подачи угощения имеет малый размер и расположено соответственно своему предназначению.

Стена зала перед нами представляла собой огромное окно высотой около 1,5 м от самого пола до потолка. Причем высота потолка была вполне достаточна для проведения пиров, так как во время торжественных и прочих мероприятий японцы опускаются коленями прямо на пол. В японской комнате вы не найдете ни стула, ни стола, ни чего-то еще, что у европейцев считается какой-никакой мебелью. Левая сторона апартаментов полностью представляет собой непрерывную череду окон, за которыми находится балкон; и эти окна такой высоты, что, когда они открыты, можно в полный рост выходить на этот балкон. Остальные стены зала изготовлены из оштукатуренных панелей, радующих глаз фактурой и цветом поверхности.

Но невзирая на то, что эти помещения имеют определенное сходство с европейскими комнатами, ничего европейского в них нет; на самом деле они не только исконно японского вида, но и построены в соответствии с самыми строгими законами японского этикета. Окна изготовлены в виде легких рам с тонкой и изящной деревянной решеткой, заклеенной тонкой бумагой. Поэтому, чтобы выглянуть наружу, требуется сдвинуть створку окна; но поскольку все оконные створки в Японии так устроены, что их можно сдвигать относительно друг друга в горизонтальной плоскости, большого труда это не составляет. Пол покрыт циновками; потолок, как и оконные рамы, изготовлен из некрашенных деревянных деталей, и в целом эта комната вызывает ощущение самой приятной чистоты и красоты.

Когда мы вошли в зал, почти все окна в нем стояли открытыми, яркий солнечный свет заливал пространство помещения, но холодный воздух казался очень свежим. Каждому участнику мероприятия предназначался тюфячок толщиной 2,5 см и размером 35 на 35 см, на котором предстояло сидеть на коленях. Но настоящим предназначением этих тюфячков считается обозначение места за трапезой. Почетное место находится рядом с помостом для микадо, и

от него рассаживаются гости в соответствии со своим весом в обществе по мере убывания. Сверху эти тюфячки покрыты тканью цвета индиго из хлопка, и они очень рельефно выделяются на фоне светло-желтых циновок, серо-желтого дерева, а также зелено-серых стен. На полу установлены четыре хибати (жаровни с тлеющими углями), и в этом случае они представляли собой квадратные емкости из темного дерева, обитого металлом. Эти хибати наполовину густо заполняла древесная зола, уже прогоревшая, разумеется, а по центру слоя из золы находились два или три маленьких куска тлеющего древесного угля. Хибати дает совсем мало тепла и конечно же не позволяет изменить температуру в японской комнате до какого-либо ощутимого уровня. В комнате английского дома подобное отопительное приспособление представляло бы большую опасность, так как углекислый газ, образующийся в результате сгорания древесного угля в кислородной среде атмосферного воздуха, отравил бы все вокруг. Но японская комната настолько хорошо проветривается из-за наличия многочисленных щелей в конструкции ее стен, что ни о какой подобной опасности говорить не приходится. Вполне справедливо будет сказать, что японцы вообще обитают на открытом воздухе, а дом служит им скорее помостом, приподнятым над землей с надежной крышей, чем анфиладой комнат, обособленных от внешнего мира мощными внешними стенами.

Когда мы расселись или, если точнее, разместились на наших тюфячках в коленопреклоненном положении, служанка поставила рядом с каждым из нас шкатулку курильщика, внутри которой находилась бамбуковая чашечка с водой на доньшке и курительная трубка (бамбуковая чашечка предназначалась для сбора пепла, выбитого из трубки). По кругу пустили лаковую табакерку с тончайшей выделки узором, крышку и корпус которой по краю украшал металлический ободок. Все желающие набили из нее свои трубки табаком. В чашу японской курительной трубки вмещается совсем мало табака, от силы на пару затяжек. При этом, как правило, выглядит такая трубка на редкость изящной. Металлическая чашка и мундштук соединяются бамбуковым чубуком. Металлические детали японской курительной трубки весьма часто украшают золотой или серебряной насечкой самого роскошного вида. Табак нарезают тончайшими полосками, гораздо тоньше, чем мы привыкли видеть у себя в Европе. Курительные трубки заправляют, и после второй затяжки пепел вытряхивают, чтобы повторить процедуру. Процесс курения в Японии продолжается сколь угодно его участникам долго. Пока все участники мероприятия занимались своими трубками, подали первую смену чая. Для чая принесли чашки из белого фарфора, декорированного кобальтом, диаметром около 6 см; чай принесли в чайничке из банко-яки с бамбуковой ручкой. Наполненную чаем чашку прислуживающая нам девушка ставила на темно-бордовую лакированную подставочку, напоминающую блюдце на ножке. На этой подставке чашку подают гостю, но тот берет только чашку, а подставка остается у девушки. Никакого сахара или молока добавлять не полагается, сам напиток употребляют в натуральном его виде.

Появляются две девушки в роскошном одеянии, проходят в середину залы, а потом становятся на колени и склоняются до тех пор, пока их голова почти касается пола. На них самые совершенные с художественной точки зрения одежды, а волосы зачесаны неким замысловатым способом, причем считающимся здесь обычным делом. Волосы у девушек выглядят плоскими дугами, и такую форму удается придать с помощью щедрого использования странно пахнущих косметических средств. Волосы у них черные как вороново крыло, а парики украшают по две шпильки. Белила на лицо девушки нанесли, что называется, от души, причем они не предприняли ни малейшей попытки скрыть границу своего макияжа, и он заканчивался на щеках, а кожа шеи сохраняла свой естественный цвет. Губы девушки накрасили самой густой помадой, придававшей насыщенный ярко-красный цвет, а посередине губ нанесли блестящий пигмент золотой бронзы. Хорошо, что в Японии не принято целоваться! Одна из девочек подпоясалась зеленой лентой ярчайшего насыщенного оттенка; выглядел такой пояс очаровательным произведением искусства, и по нему яркой черной нитью были вышиты побеги тыквы. Изображение

этих побегов вызывает полнейший восторг, так как оно передает живость и красоту настоящего растения, хотя представляет собой орнамент на поверхности предмета, который оно украшает.

Еще две девушки (одетые точно таким же образом и вставшие на колени позади первых двух) демонстрировали свое почтение гостям, а затем в зал входит третья пара и простирается перед нами. Вошедшие последними девушки одеты попроще, так как им предстоит подавать яства. Они раздают гостям по квадратному черному лакированному подносу с размером стороны около 35 см. Наконец в зал wpłyвает очередная девушка с большим подносом в руках. На ее подносе стоят блюда с угощениями. Девушка опускает свой поднос на пол комнаты. Четыре девушки, одетые более ярко, покидают комнату и скоро возвращаются, прихватив с собой тайко (или барабан для игры двумя палочками), два цудзumi (маленькие барабаны для игры пальцами), ёкобуэ (флейту), самасин (банджо) и кото (длинную цитру).

Теперь начинает звучать музыка, стоящие попарно на коленях слева и справа от двери девушки играют на всех инструментах, кроме кото. Одновременно по кругу передают угощения, и блюда с ними ставятся на подносы гостей. В этих блюдах находилась порция мягкого, подобного тесту вещества, покрытого ярко-зеленой тонкого помола мукой, кружок полупрозрачной пластичной субстанции, напоминающей причудливую карамельку, красную снаружи и с белым цветком внутри, а также кусочек белого студенистого нечто продолговатой формы. Как только закончилась раздача этих чудес кулинарии, входит новая девушка с еще одним продолговатым подносом, уставленным блюдами с кондитерскими изделиями и прочими угощениями: апельсином в сиропе, маленькой свежей рыбой (наподобие шпрот), потрошенной и насаженной на рисовый колобок в виде седла, продолговатым предметом черного цвета длиной 7,5 см, наполненным белыми подобиями семян (которые никак не угрызешь), и полукруглым ломтиком белого студенистого вещества с красным зубчатым краем. Сначала у меня не получалось управляться с палочками для еды, которые мне выдали. Но, присмотревшись, как ими орудуют гости, я в скором времени научился захватывать зернышки риса, а также куски еды покрупнее. К тому же японским этикетом позволяется подносить миску или блюдо ко рту, чтобы едоку было проще вкушать трапезы.

Я собрался съесть напоминающий замазку продукт зеленого цвета, но моя попытка откусить от общей массы угощения вызвала трудности, так как, когда я начал отдалять блюдо от рта, за ним потянулась никак не желавшая обрываться нить податливого деликатеса. В результате у меня во рту осталась часть блюда, все еще связанная своеобразной пуповиной с остальной массой, теперь оказавшейся на полу. Чем упорнее я старался оборвать соединительную нить, тем больше у меня возникало трудностей. И я уже искренне поверил в то, что доставшееся мне блюдо можно растянуть в нить, способную охватить весь Тихий океан. Наконец-то в огромных муках мне удалось проглотить непослушную массу, но даже после этого время, на протяжении которого я рву связь с блюдом на полу, кажется мне вечностью. Удовлетворенный одной порцией этого деликатеса, попавшей мне в рот, я пробую студенистый рисовый пирог, порцию которого с усилием удается отправить в рот. Мне передают лакомство красного цвета, и выглядит оно так, что мне не хочется рисковать. Зато я пробую более соблазнительные кондитерские изделия, среди которых заманчивее всех выглядит апельсин.

Странно причудливая, но весьма трогательная музыка затихла, женщина, исполнявшая ее на миниатюрных бубнах (один из которых она держала на левом колене и другой на правом плече), отложила в сторону эти инструменты, чтобы взять кото. В зал вошли еще четыре девушки, которые должны были исполнять песни под собственный аккомпанемент на самасине. Снова полилась музыка, теперь сопровождаемая пением; и это пение звучало еще более странно, чем сама музыка.

Принесли две плошки чистой теплой воды на низких лакированных подставках и поместили их на пол между гостями. С ними доставили два графина теплого саке. Графины с саке, как и плошки, были из белого фарфора, декорированного кобальтом, и помещены в неболь-

шие лакированные оправы. Затем принесли фарфоровые чашечки для саке, и по одной такой чашечке поставили на подносы, предназначавшиеся наиболее уважаемым гостям. Гости погружали эти чашечки в теплую воду, а потом подставляли, чтобы слуги наполняли их веселящим напитком. В соответствии с местной традицией гости, которых таким образом обслужили первыми, быстро выпивают содержимое своих чашек, ополаскивают их в плошках с теплой водой и перебрасывают через комнату друзьям, чтобы те разделили с ними вино. Как раз в силу такого обычая чашечки для саке, особенно изготовленные из хрупкого фарфора, часто помещают в плетенки, которые предохраняют их от неловких собутыльников.

Снова звучит музыка, а гости все чаще перекидываются чашечками для саке. И тут подают суп. Этот суп приносят в небольших черных лакированных мисках, снабженных крышками. Миску ставят каждому из нас на поднос. Суп подали совершенно прозрачный, но с таким же осадком, как супы из дичи, и в нем обильно плавали пластинки светло-коричневого цвета, внешне напоминающие грибы, но совсем другие на вкус. Миску следует поднести ко рту и с помощью палочек для еды вылавливать грибки. Я заметил, что японцы потягивают свой суп из миски медленно примерно так же, как мы смакуем редкое марочное вино. После каждого глотка супа они возвращают миску на поднос и накрывают ее крышкой, чтобы суп не остыл раньше времени.

Исполнение музыки закончилось, и четыре девушки, изначально принесшие инструменты, поднялись и приготовились к танцу: они перешли в комнату поменьше, которую я в тот момент назвал тыльной гостиной, а мы стали пересаживаться, чтобы удобнее было наблюдать представление. Четыре музыканта на самосинах заиграли грустную мелодию. Танцовщицы двигались в ритме музыки, сопровождая движения выразительными жестами, а глаза вели свой невероятный танец, который приковывал взоры зрителей.

И вот наступает время венца угощения – главного лакомства, представляющего собой фетиш японского эпикурейца. Нам подали блюдо в виде живой рыбы. На дне огромного блюда в стиле кутанэ поместили живую рыбу с шевелящимися жабрами и открывающимся ртом. Вдоль спины поданной рыбы выложили валик из белой крупы, по виду напоминающей влажный желатин, на самом деле оказавшейся бесцветной морской водорослью, тогда как сама рыба лежала на зеленых водорослях. Спереди высилась горка мелко порезанной свежей рыбы, украшенная гарниром из радиально расходящихся пучков пестрых листьев бамбука. Порции сырой рыбы из груды ее кусочков, расположенной перед живой еще жертвой нашего пиршества, распределяют по блюдам и передают гостям до тех пор, пока эта груда не исчезает. Затем происходит то, что вызывает у меня вполне естественное для европейца отвращение: подавальщица, когда горка порезанной заранее рыбы исчезла, подняла шкуру рыбы, которая оказалась уже отделенной от плоти, и вполне буднично принялась пластать мясо еще живого существа, которое повара уже порезали для нас. Кстати, горку плоти, уже распределенной между гостями, повара нарезали из половины тела рыбы, находившейся внизу. Обратите внимание на изощренность варварской жестокости, странно контрастирующей с сердечностью японцев, поскольку они с совершенным мастерством эту рыбу разделили, не задев жизненно важных ее органов. Сердце, жабры, печень и желудок рыбы остались неповрежденными, а влажные морские водоросли, на которых она лежала, обеспечивали функционирование ее жабр. Несчастная жертва глядит на нас живым блестящим глазом, а мы бессовестно поглощаем ее тело. Все-таки редкому живому существу предоставляется возможность собственными глазами наблюдать свое же помещение в могилу. Подобная жестокость доступна только самым богатым людям. На столе бедняка живой рыбы никогда не увидишь; но причинение подобных страданий существу, находящемуся на одной из примитивнейших ступеней эволюции, похоже, не вызывает угрызений совести у тех людей, кто не боится ни боли, ни самой смерти. В качестве иллюстрации японской отваги я должен рассказать любезному читателю о том, что всего лишь за полтора месяца до описываемых мною событий семьдесят с лишним человек, в их числе две женщины,

свели счеты с жизнью через обряд харакири¹ из-за того, что потерпели поражение в мелком повстанческом движении.

Вместе с живой рыбой принесли еще одну похожую на блюдце миску, тоже выполненную в стиле кутанэ. На ней подали два вида рыбы: поджаристую и белую, но в обоих случаях хорошо пропеченную. Порции каждого вида подавали на большом блюде одновременно с живой шевелящейся плотью; причем живая рыба считалась роскошью, и каждый ее кусочек следовало окунать в соевый соус и глотать как устрицу. С ощущением того, что, вкушая живую рыбу, я не усугубляю мучений жертвы нашей трапезы, заканчиваю с данным блюдом. Разумеется, по вкусу и изысканности оно превосходит все предыдущие угощения. Медленный и торжественный танец, а также таинственное звучание вибрирующей музыки служили вполне уместным сопровождением блюд, представлявших такими же ужасными, как все происходящее в банкетном зале.

Интересно было бы послушать мнение японцев о нас, когда они узнают, что мы заглатываем устриц живыми. Мы можем возразить, мол, устрица представляет собой существо низшей нервной организации, и поэтому она не может испытывать большую боль. Какие страдания испытывает такое существо, мы не знаем. Следовательно, так получается, что японцы народ не более жестокий, чем европейцы, в конце-то концов.

Музыка, зазвучавшая теперь, показалась мне оживленнее прежней, но такой же чудесной. Девушки задвигались с большим темпераментом, а изображали они по ходу танца совокупляющихся любовников. В это время в качестве овощного блюда принесли ломтики вареных молодых побегов бамбука. В эти ломтики повара воткнули тонкие палочки, с помощью которых было удобно отправлять их в рот. То есть эти палочки служили нам чем-то вроде вилок. Затем наступила очередь следующего супа с мякотью оленя в нем, а также грибами, поданного в накрытых глиняных мисках с орнаментом сине-белого цвета.

Грибы, добавленные в качестве приправы в японские супы, явно придавали аромат, характерный для всех японских блюд. В Англии не осталось ни одного человека, незнакомого с запахом японских подносов, шкатулок, вееров и тканей. Пока я угощался предложенными нам супами, мне трудно было избавиться от ощущения, будто предложили нам некий миниатюрный тушеный шифоньер с подносом, изготовленным в городе Хаконэ, и отрез ткани из Киото, к которой добавили немного упаковочного материала. Причем всему этому вареву придали необходимую блюду текучесть. Но ведь когда дело касается пропитания, пристрастия существуют у всех без исключения народов, и Джон Буль (прозвище типичного англичанина) принадлежит к категории самых отпетых патриотов своей национальной кухни.

Теперь музыкальное сопровождение нашей трапезы вели две мастерицы игры на самасине, но впервые они прибегли к помощи смычка. Этот смычок напоминает кнут с тяжелым хлыстом, конец которого исполнитель прижимает к смычку. Ради расширения нашего понимания японской музыки ансамбль пополнился флейтисткой с барабанщицей, и с ними танец несколько оживился. Подали утку с соломкой, напоминающей йоркширский пудинг. Мы наполняем табак и выкуриваем крошечные трубки, а тем временем одна из официанток то и дело наполняет табак трубку, в чашку которой не поместилась бы обычная горошина, и вручает ее между мелодиями той или иной из поющих девочек. После одной лишь затяжки трубку возвращают, чтобы ее подготовили для следующего исполнителя.

Тут нам сообщают, что мы можем предлагать девушкам порции еды с помощью палочек, то есть буквально кормить их, и перекидывать им чашечки с саке. Такое поведение считается

---

¹ Обряд харакири заключается не во вспарывании своего живота, как полагают многие жители Англии. Самоубийца должен проткнуть свою шею мечом позади трахеи лезвием наружу, а затем, взяв меч обеими руками, перерезать себе горло и упасть лицом вниз. Заблуждение возникло у европейцев в силу японского обычая, когда самоубийца наносит ритуальные порезы на своем животе перед тем, как нанести себе смертельный удар. Такие порезы служат объяснением его последнего в своей жизни решения. По поводу этикета «счастливого ухода из жизни» в Японии написаны огромные тома на многие сотни страниц.

вежливым жестом. Этим мы теперь и занялись. Перед нами еще раз сменили подносы, и мы получили по две черных инкрустированных золотом миски: одну с супом, другую с рисом.

Здесь следует заметить, что чрезмерное употребление риса во время японского пиршества считается делом, достойным разве что плебеев: представители зажиточных сословий употребляют его в качестве основного блюда, а вот для бедноты рис представляется роскошью практически недоступной. Вместо него народ довольствуется гречневой и просяной крупой. Вслед за рисом приносят блюда с рыбьей икрой, посыпанной мелко нарезанными, аппетитно выглядящими стеблями, напоминающими миниатюрный сельдерей, но без характерного запаха. Блюда со свежей рыбой и прочими питательными угощениями все еще остаются на месте. А вот и очередная миска супа, и в нем плавает большая легкая клетка и немного зелени. Музыка звучит несколько веселее, танец приобретает дополнительную живость, в движениях исполнительниц появляются вольности, недопустимые в английском обществе, но все-таки обходится без непристойностей. А тем временем танцы и трапеза (длящаяся четыре часа) приближались к завершению, и нас заверили в том, что девушки-исполнительницы сохранили высочайшее достоинство. Наши рикши в скором времени домчали нас до резиденции мистера Маунси, расположенной в посольском квартале.

Встретив Новый год с мистером Маунси, я отправился домой к почтенному Джеймсу Сумаресу, тоже проживающему на территории посольского квартала, и посвятил первый день наступившего года осмотру достопримечательностей Токио. Продвинувшись дальше в направлении магазинов, я встретил британский кортеж, направляющийся во дворец (старинный дворец позже сгорел дотла, когда пожар поглотил почти пятнадцать тысяч домов). Сэр Гарри Паркес, господин Маунси и господин Сумарес как раз собирались засвидетельствовать свое почтение микадо. Вельможи Японии в первый день наступившего года обязаны выразить почтение своему императору. Причем министры и представители высшего сословия страны получают доступ к его величеству, в то время как народ попроще всего лишь оставляет у дворца поздравительные открытки. Такие протокольные визиты полагалось наносить в обычном английском вечернем одеянии; и конечно же нелепым выглядело забавное появление на публике кое-кого из дворян в их европейских костюмах странного покроя. Я встретил одного низкорослого дворянина, направлявшегося к дворцу пешком в очень нелепом на вид костюме. Он напялил рукавицы, притом что рукава его пальто следовало бы укоротить сантиметров на пятнадцать, поэтому ему пришлось их завернуть несколько раз, да еще растопырить локти таким образом, чтобы его рукавицы, которые низкорослый японец явно считал важным элементом своего костюма, оставались снаружи на всеобщее обозрение. Штанины его брюк точно так же, как и рукава пальто, требовали того, чтобы их значительно укоротить. Тем временем шляпу он тоже подобрал слишком большого для его головы размера, и, дабы она не сползала ему на глаза, между головой и тульей он аккуратно поместил свернутый носовой платок. Вероятно, эта молодежь, как и многие остальные японские дворяне, оказалась в весьма стесненных обстоятельствах в силу изменений, явившихся результатом отказа от феодальной системы. Таким образом, он заказал себе придворный костюм с расчетом навырост. Жалкое зрелище представляли утонченные мужчины в нашем убогом европейском одеянии. Но самое печальное заключается в том, что национальное платье этого народа выглядит гораздо изящнее, а также придает настоящую сановность его владельцу. Всякий обладающий художественным вкусом человек испытал бы великое сожаление по поводу происходивших в Стране восходящего солнца перемен, ведь императорский двор тем самым опустился до такого уровня, которым мы можем с полным на то основанием назвать вырождением национального платья.

В эти праздничные дни я наблюдал на улицах за несколькими сказителями, один из которых явно пользовался особой популярностью. Остановившись на какое-то время, чтобы понаблюдать за ним и его слушателями, я предпринял попытку вникнуть в суть его повествования; но тут все зеваки обратили взоры на меня, и раздался громкий смех. Было совершенно ясно,

что сказитель адресовал мне свои язвительные замечания, и я послужил поводом для большого веселья толпы. «Там, где невежество признается благом, там глупцы воспринимаются мудрецами». Дальше на пути мне попались акробаты, которые бесспорно выглядели людьми очень ловкими, а жонглеры демонстрировали высочайшее мастерство, они выделяли на веревках головокружительные фокусы, детям предназначалось развлечение в виде ящика, называвшегося раёк.

Утро в тот день было холодное, зато ясное; впрочем, позже солнце нагрело воздух, и окружающий мир стал казаться все более радостным. На всех домах вывесили по два или три белых флага с красным кругом в центре, и народ в праздничном одеянии высыпал на улицы. Многие местные жители отправились в великолепный храм Асакуса с его широкими красными воротами, многочисленными алтарями, огромным ящиком для сбора пожертвований, чанами для очищений, странного вида башней и величественной пагодой. Я присоединился к людскому потоку и с вершины пагоды наслаждался прекрасным видом Токио. Под нами раскинулось безжизненное пространство, возникшее после пожара, уничтожившего пять тысяч домов всего лишь две ночи тому назад. Сохранились одни только огнестойкие хранилища; а на горизонте вырисовывался безупречный конус горделивой Фудзиямы. Жрецы, как казалось, бормотали свои заклинания, мальчишки били в огромные барабаны, в центре здания сверкали огни, курился ладан, а мелкие монеты горстями летели в священную нишу, тогда как всю территорию храма заставили лотками с безделушками, печатными изданиями, конфетами и игрушками самого разного вида для продажи. Я решил посетить один из алтарей величественного храма Асакуса, где один за другим прихожане берутся за веревку, привязанную к гонгу, и с ее помощью извлекают из гонга протяжный звон, который, как предполагается, привлекает внимание бога к молитве, обращаемой к нему. Основная масса народа остается за пределами алтаря и там возносит свою молитву, но один босой мужчина простирается внутри храма и остается там в неподвижности на протяжении нескольких минут, прижав колени, ладони и лоб к полу. На улицах затевают массовую игру с перекидыванием волана ракетками, и всей семьей отцы, матери, сестры и братья перекидывают эти воланы друг другу, пока кто-то из них не промахнется ракеткой и не уронит снаряд на землю. Тогда все устремляются к проигравшему родственнику, чтобы хлопнуть его ракеткой в знак наказания. Любимой забавой у детей считается игра в мяч, а вот воздушного змея запускают все: и мал и стар. Этих змеев часто изготавливают в форме птиц; но самыми забавными считаются те змеи, что в полете издают шипящий звук. Эти гудящие бумажные змеи всегда внутри полые, и весьма часто им придают цилиндрическую форму.

Во рву, опоясывающем храм снаружи, плавали сотни диких уток. В дело пошла артиллерия, и, когда прозвучал выстрел из пушек, в небо поднялась буквально туча этих уток. Во рву я увидел листья и гнутые семенные коробочки прекрасного орехоносного лотоса или буддистской кувшинки (Будду всегда изображают сидящим на цветке этого растения). Летом храмовый ров должны покрывать яркие цветы и широкие листья этого прекрасного растения.

По пути к железнодорожной станции я заметил у дороги мальчика возрастом, совершенно определенно, не больше двух лет от роду, курящего свою трубку. Я прибыл в Иокогаму в шесть часов вечера. На следующий день светившее с утра ярко солнце к десяти часам заволокло тучами и повалил густой снег. К двум часам пополудни продолжался еще весьма сильный снегопад, но теперь небо прояснилось и выглядело ясным, как прежде.

Принцы должны были сегодня вечером уезжать в Сиама, после посещения которого им предстояло возвращаться в Китай, где мне следовало встречать их спустя три месяца. Итак, они ужинают и проводят этот их последний вечер в Японии со мной. На протяжении нашего непродолжительного совместного времяпрепровождения, а ведь мне выпала честь познакомиться с ними только в ходе путешествия от Сан-Франциско до Иокогамы, они относились ко мне с предельной дружественной любезностью. Оба принца обладали безупречным художественным

вкусом. Оба казались мне прекрасно осведомленными людьми даже в самых загадочных вопросах, связанных с особенностями восточного орнамента, а принц Лихтенштейна во время своих путешествий делал самые тонкие и тщательные заметки о том, что пришлось ему наблюдать. Знакомство с такими интересными людьми на территории иноземного государства доставляет истинное удовольствие. К десяти часам небольшая гостиничная лодка, украшенная фонарями в честь наших почтенных гостей, стояла в готовности унести их к ожидающему лайнеру. Весла тронули воду, в воздухе заискрился фейерверк, и в скором времени лодка скрылась из вида.

На следующий день я остался в Йокогаме, так как мне предстоял прием гостей в лице Сано, Матида Хисинари (первое слово должно по-нашему означать фамилию), преемника мистера Сано в качестве директора Императорского музея в Токио куратора Танаки Ёсио и Сэкисавы. Мистер Матида предложил мне посмотреть замечательную коллекцию антиквариата, числящуюся личной собственностью микадо, размещенную в Наре в здании, в котором эта коллекция хранится на протяжении больше тысячи лет. Мы договорились с ним о встрече в Наре 26-го числа текущего месяца. Он к тому же сообщил мне о том, что микадо предоставит мне аудиторию до того, как я покину эту область Японии.

С приходом новогодних праздников все коренное население города предалось чревоугодию и веселью. Все дома, магазины и хибары хозяева украшали по-своему; но обязательно для этой цели использовали бамбук и хвойные деревья. Два бамбуковых ростка с роскошной листвой на верхушке и высотой приблизительно около 6 м сажают в землю на расстоянии 3,5 м, а сразу перед ними устанавливают ветку ели. На высоте 2,5–3 м от земли между этими бамбуковыми стеблями натягивают густую бахрому сплетенной рисовой соломы. По центру этой бахромы подвешивают забавную группу предметов, состоящую из речного рака, апельсина, ветвей папоротника, сплетенного из соломы каравай, нескольких плодов сушеной хурмы на палке, а также куска древесного угля и каштана, обернутых бумагой. Составленную самым живописным способом композицию из перечисленных предметов подвешивают к верхнему краю соломенной бахромы, с которой к тому же свешиваются ленты нарезанной белой бумаги. И это считается символом религии синтоистов. Кое-кто из горожан побогаче устанавливают по обе стороны двери своего дома три толстых бамбуковых стебля со срезанной наискосок вершиной, а перед ними размещают еловые пеньки. В этих случаях высота центрального бамбукового стебля составляет около метра с небольшим, а боковых – около 90 см. Еловые ветки достигают высоты 70 см. Размер этих новогодних украшений зависит от доходов населения, но даже самые бедные его представители стараются запастись бамбуком и ветками деревьев хвойных пород, пусть даже самыми маленькими, точно так же, как европейские бедняки на Рождество добывают для себя побеги остролистого падуба и веточку омелы.

На следующий день в Токио до меня дошли слухи, что пожарные проводят тренировку и это мероприятие заслуживает внимания, поэтому я направляюсь к месту такого зрелищного события. Эти упражнения заключаются главным образом в том, чтобы поставить лестницу в вертикальное положение при помощи крюков, накидываемых на «кругляки», опустить ее на землю, а также в исполнении странных акробатических трюков. Один человек поднимается на лестницу и устраивается на ней с одной стороны вниз головой; за ним поднимается еще один человек и, ухватившись обеими руками за одну из боковых опор, располагается в горизонтальной плоскости; третий пожарный цепляется за перекладины лестницы ногами, наклоняет тело в сторону, а в руках держит рубящий инструмент, который используют для разрушения стен для прекращения распространения пламени. Перед строем каждой пожарной бригады несут специальное устройство: полое внутри, использующееся в качестве фонаря. Оно представляет собой своего рода отличительный знак бригады, а также религиозный символ, так как с него свешиваются ленты нарезанной бумаги, символизирующей синтоистскую религию. В их конструкции воплотилась большая изобретательность, и их декоративное оформление показалось мне таким же интересным, как сами упражнения пожарных команд.

Я заметил, что многие нарядились в новую одежду, а когда я обратил на это внимание японского приятеля, он сказал мне, что все японцы, кто может себе это позволить, к Новому году покупают себе одежду. Бедняки, однако, одетые предельно скромно, выглядят выносливыми и стойкими. Штаны, сшитые из своеобразного набивного ситца цвета индиго, служат им единственной одеждой для нижней части тела. А свободная синяя блуза, с нанесенным на нее строго определенным рисунком или символом диаметром фут (30 см), завершает платье бедноты. Эта категория населения либо ходит босиком, либо в соломенных сандалиях, которые носятся совсем не долго; лично мне известен один случай, когда кули за один день протяженного пути износил три пары соломенных сандалий. Кое-кто из сельских мужчин носит пальто из шкуры буйвола золотистого цвета. На эти пальто наносится рисунок более светлого оттенка. Они представ ляют собой одновременно колоритный и ноский предмет одежды.

Притом что мы в Европе постоянно превозносим удобство нашей одежды, приходится признать, что японское платье имеет одно важное преимущество перед моим. Причем по крайней мере одной своей особенностью. Полы в японских магазинах застилают циновками, а не рогожами, так как под рогожные половики подкладывается расправленная солома слоем 1,5 см или больше. Если европеец ступает на пол с таким покрытием, высокие каблуки его ботинок приводят циновки в негодность. Поэтому европейцу приходится садиться на край приподнятого над общим уровнем пола и снимать свои туфли. Зато японцу совсем не составляет труда скинуть свои деревянные башмаки в любой момент, причем без помощи рук, так как они удерживаются на ноге с помощью своего рода ремешка, который проходит между большим пальцем ноги и его четырьмя меньшими соседями, и штрипкой.

Во время моих вылазок за покупками меня иногда удивляло поведение мужчин, которых местные жители называли английскими купцами. Эти «купцы» входили в помещение магазинов в своих тяжелых ботинках и топали по полу так, будто нарочно хотели порвать застилавшие его циновки. Беспокойство несчастных владельцев магазинов при появлении таких посетителей вызывало сострадание, и я наблюдал, как спешно они приносили половики или другие подстилки, чтобы бросить их поверх циновок, тем самым пытаясь предотвратить их разорение бесцеремонными англичанами. Все туристы, как мне кажется, кто побывал в Японии, обратили внимание на бездушие многих так называемых иноземных купцов, причем наихудшим образом ведут себя как раз мои соотечественники. Кое-кто из них откровенно находит особое удовольствие в том, чтобы досаждать японцам. Иностранцы зачастую разговаривают с японцами как с однозначно неполноценными существами; если же им приходится общаться с представителями низшего сословия, относятся они к ним как к собакам, а не к людям. Такие гости Японии наносят вред стране своего происхождения, так как именно они вызывают у местного населения ненависть ко всем иноземцам.

6 января я отправился из Иокогамы, чтобы несколько дней погостить у сэра Гарри Паркеса в Токио. Господа Сано, Сэкисава и Асами встретили меня на станции с двумя экипажами, в ходе поездки на которых они собирались показать мне достопримечательности их города. К этому моменту я уже знал, что мистер Сэкисава занимается основанием для правительства стройной системы рыбного хозяйства. В Америке он договорился о доставке в Японию оплодотворенной икры лосося и прочей рыбы ценных пород, которую как раз получил, и теперь соби-рался вывести из нее мальков, чтобы выпустить их в японские реки. Первым делом мы посетили дворец Хамаготэн, расположенный в живописной местности, граничащей с бухтой Эдо. Служивший изначально резиденцией даймё (барона), позже он превратился в летний дворец императрицы, а теперь используется для забавы сиятельных иноземных гостей. Дворец представляет собой старинное здание исконно японской архитектуры, но стены комнат и коридоров завешаны европейскими коврами с рисунками, несущими мало смысла. На европейский взгляд его комнаты выглядят обставленными скудно, так как в них находятся одни только стулья и столы. Стулья покрашены черным лаком, снабжены старинной спинкой круглой формы,

считавшейся у нас модной лет двадцать назад, когда их использовали в столовой и спальном комнате.

В саду, окружающем дворец, расположено озеро с чистой водой, быстрой речкой и небольшим водопадом. Реку пересекает весьма замысловатый мост, причем в середине он поворачивается под прямым углом налево, а потом снова продолжается в прежнем направлении. Перила между тем до поворота находятся с одной только правой стороны, а после поворота продолжают с противоположной стороны.

Вокруг озера высится череда курганов, на которых стоят низкорослые, но при этом старые деревья, а с вершины этих курганов открывается вид на всю бухту Эдо. Одна старая и искривившаяся сосна, ветви которой спускаются и извиваются среди камней, формой напоминает ползущую змею. Такие деревья вызывают у японцев особое восхищение, поскольку они ассоциируются у них с изображением дракона, извивающегося среди скал и валунов, с которыми они знакомятся в самом младенчестве.

Над водной гладью озера, поддерживаемые с помощью легкой бамбуковой решетки, нависают побеги глицинии, которые в цвету должны выглядеть совершенно очаровательно. Причем тут следует привести забавный для Японии факт: на всей этой территории воспроизводится китайский пейзаж в миниатюре.

Следующим мы посетили живописный храм в парке Уэно, где, как в парке Сиба, главное здание было уничтожено пожаром. То, что осталось, на самом деле представляется великолепным; но сохранившиеся здания в некотором смысле выглядят не такими прекрасными, как в Сиба, ряды больших фонарей (подаренных кое-кем из принцев или даймё) смотрятся более утонченно.

Описав одну из великих буддистских святынь Токио, я воздержусь от попытки предоставления подробностей, касающихся красот парка Уэно, поскольку мне еще предстоит их отметить во время разговора об архитектуре Японии. Однако о некоторых его архитектурных особенностях можно составить представление по декору двух потолков, приведенных на рис. 17 и 18.

Вечером в нашем посольстве проходила вечеринка, посвященная Рождеству. Своим присутствием прием почтил премьер-министр Японии господин Сандзё Санэтоми с супругой, своим заместителем мистером Ивакурой и прочими видными японскими сановниками, дамами и детьми. Все дети пришли исключительно в японских одеяниях.

Подарки для дам и детей развесили на большой рождественской елке, занимавшей центр зала; господ японцев развлекали с помощью проекционного фонаря через демонстрацию им видов европейских городов и отдельных сооружений. Европейские гости пошли танцевать. Знатные японцы сами никогда не танцуют, потому что предпочитают нанимать других людей, чтобы те перед ними танцевали. Придворные дамы, прибывшие на мероприятие в своих национальных костюмах, выглядели очень яркими и привлекательными: особенно красивым мне показалось платье на одной из дам. Оно выглядело скорее балахоном, чем тем, что мы называем платьем; его основа была белой, но по всей ее поверхности были рассыпаны мелкие летние цветы нежнейших красных оттенков с вкраплениями умеренного зеленого цвета, а в целом она сияла золотом. У всех японских дам были черные как антрацит волосы, и в этот вечер подавляющее большинство из них уложили их по придворной моде в крупную бабочку в виде дуги.

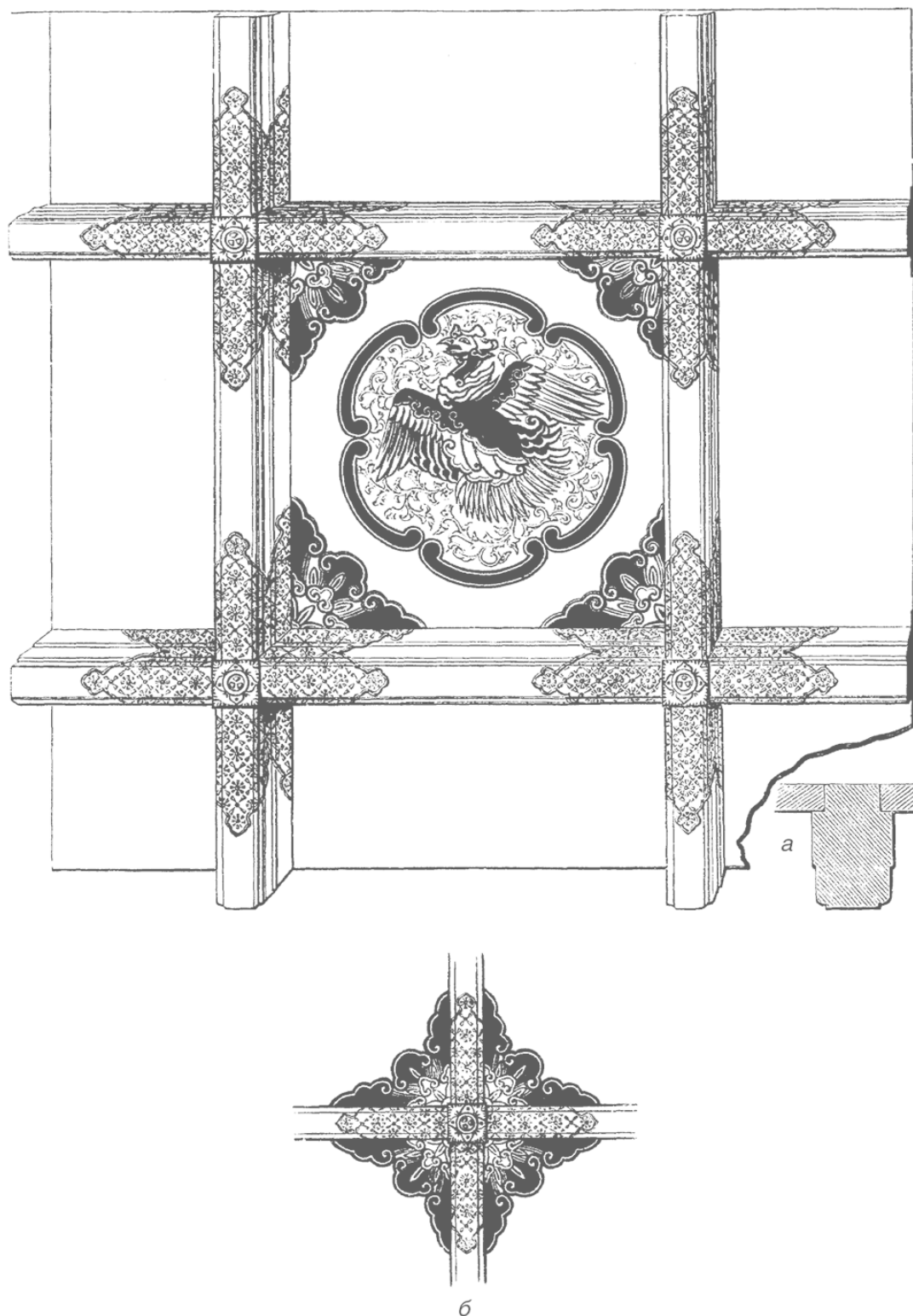
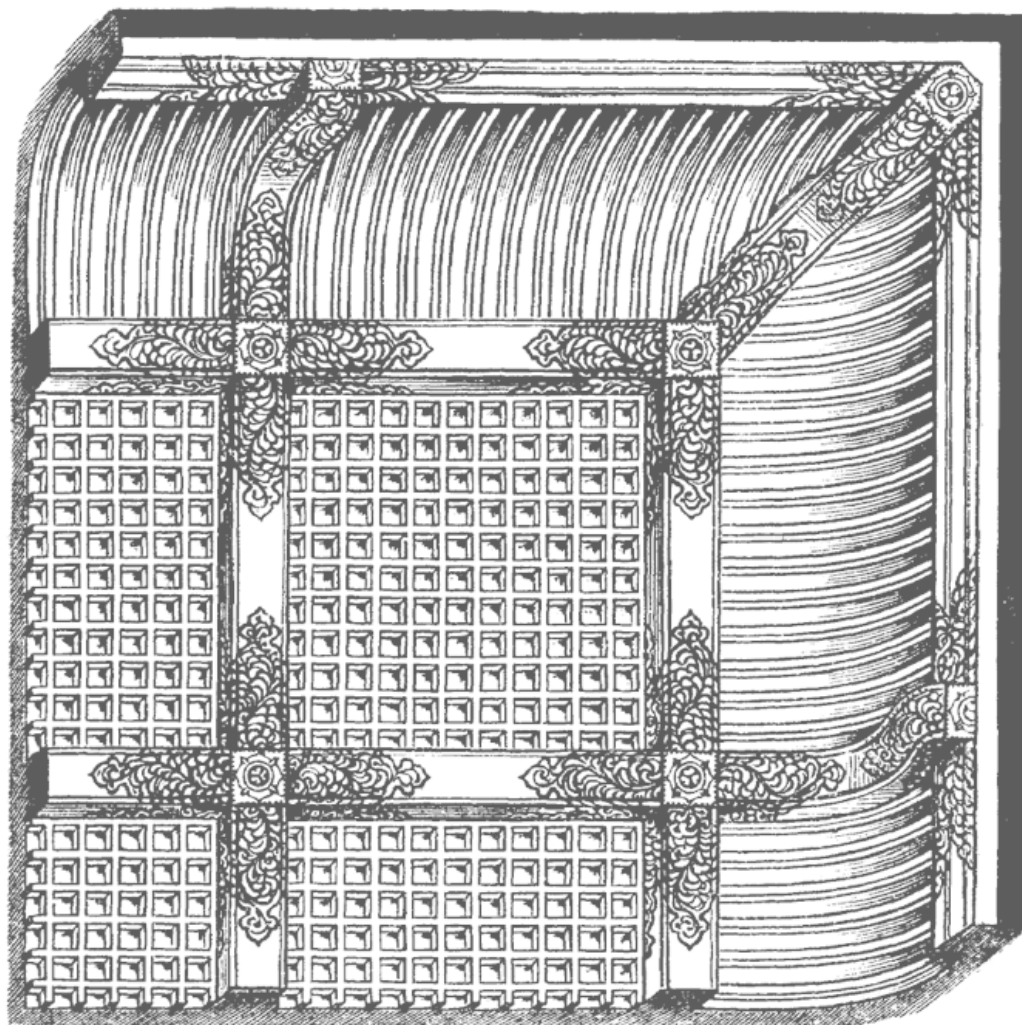

Рис. 17. Потолок в алтаре сёгуна Токугавы Иэмицу, построенном в 1681 году для буддистского храма в парке Уэно: *а* – вариант пересечения балок; *б* – орнамент на пересечении балок

Рис. 18. Фрагмент потолка в храме парка Уэно в Токио

Следующие несколько дней я потратил на прогулки по Токио, посещение магазинов, приобретение предметов прикладного искусства и наблюдение за развлечениями народа; 11-го числа мы ощутили слабый подземный толчок землетрясения.

В час пополудни этого же дня сэр Гарри Паркес должен был сопроводить меня к министру внутренних дел Японии господину Окубо; но, обнаружив, что опоздал отправить почту, перенес встречу на следующий день. Во второй половине дня мы осмотрели небольшой синтоистский храм, возведенный в память о солдатах микадо, павших за родину во время революции 1868 года. Он представляет собой здание, построенное из простой некрашеной древесины, в центре которого находится немного приподнятый помост с установленным большим европейским зеркалом и маленькой вазой, изготовленной из колена бамбука и наполненной цветами. Пол самого храма застелен обычным брюссельским ковром, служащим белым фоном для просторной панели. На возвышении постелен европейский белый войлочный ковер качеством пониже. Помимо зеркала в этом храме находится около восемнадцати европейских кресел из лозы.

Этот храм располагается на возвышении рядом с ипподромом, и от подножия его нам открывается чудесный вид на Токио с заливом до горизонта. Заслуживает особого внимания то, как сориентирован этот город относительно рельефа местности, так как в самом его центре возвышается замок, видимый со всех сторон. Через Токио пролегают широкие улицы, застро-

енные только одноэтажными домами, поэтому город занимает очень большую территорию. Все японские дома, когда смотришь на их густую застройку сверху, выглядят скорее лачугами или избами под соломенной крышей ирландской деревни, чем кварталами английских городов. Только при пристальном взгляде на них можно распознать их красоту, и во многих случаях восхищение вызывает внутреннее убранство, а не внешнее устройство. Завершая круг, мы возвращаемся в нашу усадьбу и видим горделивую Фудзияму, вздымающуюся ярким фиолетовым конусом на фоне светящегося неба, хотя до нее не меньше 100 или 130 км.

На следующий день мы с сэром Гарри Паркесом отправились с заранее оговоренным визитом к министру внутренних дел. Окубо-сан отличался редким даже для выходца из Южной Японии высоким ростом, он на целую голову превосходил среднего жителя Токио. Он обращал на себя внимание как человек в высшей степени достойного поведения, манерами несколько проще, чем у кое-кого из министров, и разговор он вел в душевном и приветливом ключе. Он выбрал себе дом в европейском стиле наподобие того, что теперь в моде у высокопоставленных государственных чиновников. Комната, в которую нас проводили, находилась наверху, полы в ней устланы коврами, а обстановка соответствовала европейской моде.

Здесь слуги не валяются ниц перед министром, как это обычно заведено в японских домах, а ведут себя как европейцы. Окубо-сан вышел к нам в европейском костюме, и мистер Сано с Асами тоже.

Наша беседа вертелась в основном вокруг местных изготовителей художественных произведений; и министр просил меня подготовить доклад, посвященный японской торговле с Европой, а также способам увеличения ее объема. Во время пребывания в гостях у министра я обратил внимание нашего хозяина на меры по предотвращению катастрофических пожаров, удручающе часто терзавших Токио. Во-первых, владельцев домов следовало заставить осуществлять специальную пропитку пиломатериалов, используемых в строительстве жилья, и бумаги для заклеивания окон вольфрамом натрия или каким-то еще сходным по свойствам химическим веществом. Пожары в Токио приносят ужасные беды, каких не встретишь более нигде. Утверждают, что каждые десять лет в пламени пожаров превращается в пепел количество домов, сопоставимое с общим числом домов в Токио.

Окубо-сан, хотя и служит министром внутренних дел, на самом деле считается духовным предводителем народа Японии. Он принял активное участие в революции 1868 года, в ходе которой микадо освободили из его заключения и привлекли к управлению своим народом. Окубо-сан пробивался к власти, а когда микадо взял бразды правления государством в свои руки, его назначили на высокий пост, который он занимает теперь и который достался ему заслуженно за его способности, проявленные в порученной ему сфере деятельности.

Главной своей задачей Окубо-сан видел то, что мы можем назвать возвращением достижений европейской цивилизации на японской почве. И ни один еще человек не достигал такого живого осознания ценности конкретных европейских изобретений, как этот опытный японский министр. На текущий момент Япония располагала системой телеграфной связи, не уступающей по своему совершенству ни одной европейской стране; безопасность плавания у побережья ее островов обеспечивалась многочисленными маяками; стремительно шло развитие почтовой службы; улицы ряда наиболее крупных городов уже освещались газом; паровые пожарные машины пришли на смену бесполезных небольших насосов; сформировалась постоянная система полицейского надзора за населением; проложили две железнодорожные ветки; идет строительство надежных шоссе с уже появившимися превосходными мостами; и все эти заслуги следует зачесть в актив мистера Окубо. Здесь следовало бы упомянуть конкретные факты, касающиеся Окубо-сан, но они появятся в настоящем труде только после возвращения автора в Англию. У меня еще возникнет несколько подходящих случаев упомянуть этого достойного человека, но в этой книге его имя прозвучит редко.

После моего возвращения в Англию я получил от господина Окубо письмо, вслед за которым вскоре пришло еще одно послание от моего друга господина Маунси. Привожу копию письма мистера Окубо, а из послания господина Маунси – отрывок, посвященный печальной кончине Окубосан, и отчет, который он просил меня ему написать:

26-й день 3-го месяца 11-го года Мэйдзи.

Доктору Дрессеру.

Сэр! В январе прошлого, то есть 10-го года Мэйдзи, Вы принесли статьи, посланные мистером Оуэном в наш музей, и я очень обязан Вам за то, что Вы взяли на себя труд по их приведению в порядок. После Вашего возвращения домой в апреле прошлого года эти статьи стали достоянием публики, и я уведомил всех заинтересованных лиц в нашей стране о поступлении Вашей ценной информации, касающейся важных аспектов отрасли, предоставленной Вами чиновнику, сопровождавшему Вас во время Вашего посещения нескольких отраслевых учреждений. Вашими заботами мне удалось разъяснить всем отраслевым деятелям суть аспектов, остававшихся для них до тех пор непонятными, и теперь позвольте мне уверить Вас в том, что в скором будущем они добьются прогресса и проявят интерес к коммерческой деятельности.

Во время Вашего пребывания у нас Вы просили сотрудников нашего музея изготовить модели декоративного потолка нескольких храмов Токио, и к настоящему моменту изготовление этих моделей закончено.

Невзирая на их малую ценность и явное несоответствие Вашим прошлым заслугам, я дарю их Вам через господина Ч.Дж. Строума и прошу Вас принять их в качестве свидетельства моего высочайшего почтения к Вам.

С наилучшими пожеланиями,
Министр внутренних дел Японии
Тосимити Окубо.

Эдо, 9 июля 1878 г.».

«Уважаемый доктор Дрессер. Считаю своим долгом сердечно поблагодарить Вас за Ваше доброе письмо от 17 мая, а также за исключительно интересное приложение к нему в виде отчета, адресованного Вами мистеру Окубо. Вам еще предстоит узнать из газет о том, что этот благородный муж пал жертвой жестокого наемного убийцы 14-го числа того же самого месяца, когда он направлялся на заседание совета министров во дворец микадо. Его экипаж остановили шесть устроивших на него покушение заговорщиков, вооруженных острыми мечами, прекрасно известными Вам как смертоносное оружие. Они сначала остановили лошадей и убили кучера. Несчастный Окубо попытался выйти из своей кареты; у дверцы его ждали два заговорщика с обнаженными мечами, он попробовал открыть дверку с противоположной стороны, там его тоже ждали убийцы. Увидев смерть со всех сторон, этот человек должен был пережить ужасный момент своей жизни. Убийцы вытащили его на дорогу и изрубили на куски, а затем пошли сдаваться во дворец, где заявили, будто совершили преступление, движимые исключительно патриотическими побуждениями. С тех пор всех министров сопровождают эскорты верховых солдат, скачущих с мечами на изготовку. Должность Окубо унаследовал Ито-сан, и позавчера вечером он сообщил мне о том, что получил Ваш доклад, но еще не нашел времени, чтобы как следует изучить его содержание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.